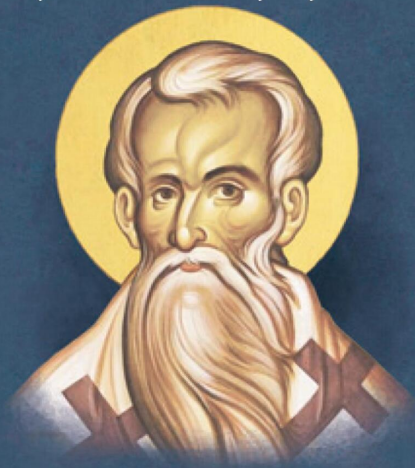

СОКРОВИЩЕ

ДУХОВНОЕ

По творениям святителя Григория Нисского

ГЛАГОЛЫ ВЕЧНОСТИ

Григорий Нисский Святитель
По творениям святителя
Григория Нисского.
Глаголы вечности
Серия «Сокровище духовное»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69510766

*Г. Нисский. По творениям святителя Григория Нисского. Глаголы вечности: Издательство «Благовест»; Москва; 2023
ISBN 978-5-9968-0801-4*

Аннотация

Данная работа представляет собой сборник изречений святителя Григория Нисского на различные духовно-нравственные темы, взятые из его творений и расположенные в алфавитном порядке.

Издание рассчитано на широкий круг православных читателей.

Содержание

О жизни святителя Григория Нисского	9
Авель и Каин	15
Бегайте блуда	16
Бегство от удовольствий	18
Без подвига не будет венца	20
Благо	22
Благодарение Господу	24
Блажен Христов воин	25
Бог везде может спасти	26
Бог вездесущ	28
Бог и грех несовместимы	29
Бог спасает человека	32
Богоугодный пастырь	33
Богочеловечество Иисуса Христа	36
Богу чуждо зло	38
Божественное домостроительство	39
Борьба с грехом	42
Боязнь потерять Бога	43
Брак со Христом	45
Важность Божией помощи	47
Важность милостыни	48
Важность усердия	49
Величие добродетели	50

Воля Божия	51
Вонми себе	52
Возвращение в рай	53
Возрождение после крещения	54
Воскресение Христово	56
Врачевание мучениями	57
Второе пришествие	58
Грехопадение ввело смерть	59
Девство	60
Жажда встречи с Богом	61
Жизнь в свете добродетелей	63
Жизнь христианина	64
Забота настоящей жизни	66
Искупление	67
Истинная правда	70
Истинное родство со Христом	73
Истинный пост	74
Как надо приступать к Богу	75
Краткость жизни и строгость суда	76
Кто увидит Бога	77
Любовь к Богу и миру	80
Милость к ближним	81
Мир создал Бог	82
Мудрость жизни	84
Надежда	86
Награда миротворцу	87

Надо всегда молиться	88
Наше спасение во Христе	90
Не привязывайся к земному	91
Необходимое и излишнее	92
Необходимость несения креста	94
Непостижимость Бога	95
Нет предела совершенству	96
Новая тварь	97
О Боге-Троице	98
О Боговоплощении	101
О бодрствовании	103
О будущем суде и жизни	104
О важности мира в душе	106
О воскресении	107
О грехопадении в раю и спасении	108
О добродетелях	109
О кротости	111
О любви	112
О неразумных богачах	114
О собранности	115
Обман людей	117
Образ и Первообраз	118
Обращение от зла к добру	120
Опасность для грешников	121
Отличительные свойства лукавого нрава	122
Очищение души	123

Плач и моление ко Христу	124
Плач о себе самом	129
Плод молитвы	133
Плоды милости	134
Призвание христианина	136
Признаки ученика Христова	138
Приманка зла	141
Просьба к Богу о благе	142
Радость благочестивых	143
Различие даров	144
Райская красота	146
Свобода воли	147
Святая Троица	149
Сети соблазнов	151
Сила небесной красоты	153
Скорбящим об умерших	154
Сладость пребывания с Богом	156
Соработничество Богу	157
Сродность Христа и христиан	158
Стремление к лучшему	160
Сын Божий – истинный Бог	162
Сын Божий единосущен Богу Отцу	164
Торжество добра	166
Трудиться на земле для неба	168
Труды ради вечности	169
Труды восхождения к Богу	171

Труды для прославления с Богом	172
Удаление от зла	173
Умеренность	174
Уподобление Богу есть блаженство	176
Христиане – новая тварь	177
Христос – драгоценное сокровище	178
Христос – победитель смерти	180
Христос – сила и премудрость	182
Христос и христиане	184
Цветы и плоды	185
Целомудрие	187
Цель жизни – пребывание с Господом	188
Человек – виновник несчастий	189
Молитвы святителю Григорию Нисскому	190
Использованная литература	192

Григорий Нисский
По творениям святителя
Григория Нисского.
Глаголы вечности

© Издательство «Благовест» – текст, оформление, оригинал-макет, 2023

* * *

О жизни святителя Григория Нисского

Святой Григорий Нисский был братом по плоти святого Василия Великого, которого он был значительно моложе. Детским воспитанием его занималась та же благочестивая бабка его Макрина, которая учила и святого Василия, а первоначальные наставления в грамматике и риторике получил он от своего отца. Дальнейшие уроки, с 12 года своей жизни, когда умер отец его, он слушал у кесарийских наставников красноречия. Знания, приобретенные Григорием в языческой школе Кесарии, были потом восполнены самостоятельными научными занятиями и уроками святого Василия Великого, которым Григорий, по его словам, был очень многим обязан. При своих природных дарованиях и прилежании в изучении наук святой Григорий с успехом изучил риторику и философию, и готовил себя к званию светского оратора. Но Бог судил иначе, и в самой душе Григория, более склонного в то время к светским занятиям и к изучению светских наук, вскоре произошла перемена. Однажды в имении его матери предположено было совершить празднество в честь перенесения мощей сорока мучеников. Позван был на это семейное торжество и Григорий, обучавшийся тогда в Кесарии. Недовольный тем, что он оторван от своих занятий, и что празд-

нество не было отложено до другого, более благоприятного времени, Григорий равнодушно, без внимания, слушал песнопения богослужения, происходившего в саду и длившегося всю ночь, и наконец, удалившись в одну из своих беседок, лег спать. И вот во сне он видит, что хочет войти в сад, но какие-то светоносные воины не пропускают его, и только благодаря заступничеству одного из них ему удастся избежать наказания. Это устрашающее сновидение произвело на Григория сильное впечатление, и он, оставив мирские занятия и науки, обратился к чтению священных и душеспасительных книг, а потом вскоре принял на себя обязанности анагоста, состоявшие в чтении Священного Писания на богослужебных собраниях. Однако такая настроенность сначала ненадолго укоренилась в душе Григория. По смерти Юлиана Отступника, воспретившего христианам быть наставниками риторики и грамматики, Григорий опять обратился было к любимому занятию, избрав для себя призвание преподавателя риторики, что вызвало недовольство со стороны его друзей и строгие обличения со стороны святого Григория Богослова. Впрочем, Григорий недолго стремился к славе ратора. Вскоре, под влиянием членов своей аскетически настроенной семьи и друзей, он обратился всею душою к изучению памятников веры, оставил мир и удалился в пустыню, поселившись в монастыре, основанном Василием Великим на берегу реки Ириса. Вскоре после того святой Василий, желая иметь в Григории верного помощника для борьбы с ариан-

скую ересь, поставил его в епископа города Ниссы. Святой Григорий действовал, как истинный пастырь Христов, доблестно управляя Церковью и охраняя ее мир от козней ее врагов. Благочестивая сестра его Феозва была при нем диакониссой и много помогала брату в делах церковных, так что впоследствии смерть ее была для него великой потерей.

В царствование Валента святой Григорий Нисский подвергся несправедливым гонениям со стороны правителей-ариан. Наместник Понта Демосфен составил в Анкире из покорных правительству епископов собор, на котором Григорий был ложно обвинен в неправильном употреблении церковного имущества и лишен кафедры. По приказанию Демосфена святой был схвачен и под стражей отправлен в Анкиру, причем дорогою много пострадал от грубости воинов. Потом он решился бежать и, ускользнув от стражи, скрылся в безопасное место. На следующий год был созван новый собор из епископов Понта и Галатии в самой Ниссе; святой Григорий не явился на суд и снова был заочно низложен. Но, лишившись кафедры, Григорий не оставался в бездействии: он переходил из одного места в другое, чтобы утверждать православие и утешать православных. По смерти Валента святой Григорий был возвращен к своей кафедре и с восторгом встречен своей паствой. Вскоре после того он огорчен был смертью святого Василия Великого, которого он глубоко любил и уважал, как своего наставника. В годовщину память почтил он его надгробным словом и из благодарного

уважения к нему, как к своему наставнику, окончил его описание шести дней творения, где недоставало описания человека и где другие желали видеть решенными еще некоторые недоуменные вопросы. В том же году святой Григорий Нисский принимал участие в Антиохийском соборе. На этом соборе определено было послать опытного в деле веры мужа для обозрения церквей в Аравии и Палестине, где оскорбляли веру ереси антикомариан, не чтивших непорочного девства Богоматери, и коллиридиан, чтивших Богоматерь, как божество. Для утверждения мира и веры избран был святой Григорий. Перед отправлением в это путешествие он посетил свою старшую сестру, блаженную Макрину. По погребении ее он с успехом окончил в Аравии данное ему на Антиохийском соборе поручение; но в Иерусалиме, где с благоговейной радостью он посетил священные места, не мог совершить всего того, что было ему поручено, и со скорбью писал, что грехи и заблуждения и там находят крепкую защиту в сердцах людей. Между тем в отсутствие святого Григория в его епархию снова было занесено арианство, которое ему с трудом удалось побороть по возвращении домой. В то же время он принимал участие в избрании епископов для Иворы и Севастии по просьбе жителей, опасавшихся, что преемниками почивших епископов будут еретики. Когда, в царствование Феодосия Великого, был созван в Константинополе второй Вселенский собор против духоборца Македония, то святой Григорий Нисский был там же, вместе с дру-

гими святыми отцами, поборником благочестия, возражая и посрамляя противников силою истины на основании Божественного Писания. На этом соборе старанием святого Григория дополнен был никейский символ веры членом о Святом Духе, причем к символу были присоединены еще девятый, десятый, одиннадцатый и двенадцатый члены. Вообще Григорий Нисский был одним из главных деятелей собора.

Вместе с другими епископами он участвовал также в утверждении святого Григория Богослова в звании Константинопольского архипастыря и читал ему и блаженному Иерониму свое сочинение против Евномия. Когда против святого Григория Богослова возникла ожесточенная борьба со стороны некоторой части духовенства, зараженного еретическими лжеучениями или расположенного к еретикам, вследствие чего он должен был оставить Константинопольскую кафедру, святой Григорий Нисский, вместе со многим другими, всячески старался разрушить эту вражду, но, не будучи в состоянии сделать это, преподал советы о вере и новом призвании преемнику Григория Богослова Нектарию, избранному из оглашенных. Во время пребывания своего в Константинополе святой Григорий Нисский произнес две проповеди – одну по случаю избрания святого Григория Богослова епископом столицы, другую – надгробную, на погребении Мелетия, патриарха Антохийского.

Вскоре после второго Вселенского собора Григорию пришлось переезжать из одной церкви в другую для приведе-

ния в порядок церковных нестроений и утверждения православия, так как на втором Вселенском соборе он был объявлен в числе трех архипастырей охранителем православия для Понта. В 383 г. святой Григорий Нисский был на соборе в Константинополе, где произнес слово о Божестве Сына и Духа Святого. В 386 году он снова был в Константинополе и здесь ему, как знаменитому оратору, было поручено произнести слово над гробом любимой всеми императрицы Плакиллы. В 394 г. он снова присутствовал в Константинополе на соборе, созванном для решения вопросов по церковным делам Аравии.

Паству свою святой Григорий, как пастырь верный и истинный, ревностно утверждал в вере и благочестии; случилось, что по нескольку дней кряду говорил он ей поучения. В то же время он был ходатаем и защитником несчастных перед судьями, отличался сострадательностью к нищим, терпеливостью, миролюбием и прямодушием. Достигнув глубокой старости, святой Григорий почил о Господе, оставив после себя много полезных и драгоценных для святой Церкви писаний.

Авель и Каин

Помните постоянно и то, что Авель принес Богу жертву от первородных овец и от тука, а Каин – от плодов земных, но не от первых плодов: *и призре Бог на жертвы Авеля... на дары же Каина... не внят* (Быт. 4, 3–5). В чем [поучительный] смысл этого повествования? Из него можно узнать, что Богу благоугодно все совершаемое со страхом и верою, а не то, что хотя и многоценно, но без любви.

Бегайте блуда

Бегайте блудодеяния. Почему? Потому что *всяк грех, его же еще сотворит человек, кроме тела есть* (т. е. не вредит естеству тела, а совершается вне тела человека причинившего вред), *а блудяй во свое тело согрешает*; не как убийца, который против чужого тела (грешит), сохраняя свое неуязвленным; не как любостязательный, который вредит иному, остерегаясь вреда собственному телу; блудник сам себе вредит, сам себя пронзает стрелою бесчестия. Вор решается на воровство, чтобы питать тело, а блудник заботится об ограблении собственной плоти. Любостязательного побуждает к хищению мысль о приобретении корысти; блудодеяние же наносит ущерб чистоте тела. Завистливому причиняет страдание слава другого, а блудник сам содевает собственное бесславие. Ибо что бесчестнее бремени блудодеяния? Всякое рабство греху бесславно, ибо бесчестит благородство души; но блудодей есть самый бесславный раб греха; ибо осужденный им выгребать свои нечистоты, он собирает кучи скверн и исправляет нечистую работу. Не гнусно ли ходить около нечистот, тереться около предметов постыдных, иметь тело не отличающееся от рубища? Ибо какое различие между рубищем и блудодеем? Он отторгается от тела Церкви, разрушается ежедневным гниением – греховными удовольствиями, отбрасывается, как ненужное рубище, ле-

жит на поправление всем демонам. На нем диавол отпечатлевает свою гнилость. Внешнее положение блудника не менее дурно, как и внутреннее состояние. От него бегут в домах, отворачиваются в собраниях; он оскорбление для сближающихся с ним, предмет презрения для враждебных ему, позор для родственников; его проклинаят служители, он печаль родителям, посмешище для домашних, предмет для смеха и разговора соседям: его отвергают при попытках жениться, после брака он подозрительный супруг. Видя блудодеяние матерью такого множества зол, Павел заповедует победительное бегство: «бегайте блудодеяния».

Бегство от удовольствий

Никто не может приблизиться к божественной чистоте, не сделавшись прежде сам чистым... нам необходимо оградить себя от удовольствий как бы великой и крепкой стеной, чтобы чистота сердца никак не могла оскверниться через приближение к ним. Крепкая же стена есть совершенное удаление от всего, что таит в себе страсть, ибо удовольствие по роду своему будучи единым, по словам мудрых, как вода, из одного потока разливающаяся на разные ручьи, через каждый из (органов) чувств проникает в нутро тех, кто предан удовольствиям. Итак, побежденный удовольствием, попавшим в него через одно какое-либо чувство, от него терпит поражение в самом сердце; как и слово Божье учит, что восприимчивый вожделение чувством зрения уязвлен «в сердце». Думаю, что Господь, говоря здесь об одном чувстве, подразумевал все, так что, следуя сказанному, мы с (полным) правом можем присовокупить: кто услышал «ко еже вожделети», кто коснулся и кто всю свою силу подчинил служению удовольствию, тот согрешил «в сердце» (см. Мф. 5, 28). Итак, чтобы с нами этого не случилось, мы должны в своей жизни руководствоваться тем мудрым правилом, чтобы не прилепляться душой ни к чему, к чему примешивается приманка удовольствия, преимущественно же и более всего блюстись от наслаждения вкусом, потому что оно, по-видимому, упор-

нее других и есть как бы мать (всего) запрещенного. Ибо наслаждение пищей и питьем, избыточное от неумеренности в еде, неизбежно причиняет телу множество нежелательных последствий, поскольку пресыщение по большей части порождает в людях подобные страсти. Итак, чтобы тело всегда пребывало в полном спокойствии и не возмущалось никакой происходящей от пресыщения страстью, мы должны вести строжайший образ жизни и определять меру и предел наслаждения не удовольствием, но потребностью в чем-либо.

Без подвига не будет венца

Никто не может быть увенчан, если не законно будет подвизаться (см. 2 Тим. 2, 5); а не может быть законного подвига, если нет противоборствующего. Следовательно, если бы не было противника, не было бы и венца; победа сама собою не существует, если нет побеждаемого. Итак, мы подвигаемся против самой изменчивости нашего естества, мысленно борясь с нею, словно с неким противником, достигая победы не тем, что ее ниспровергаем, но тем, что не попускаем ей пасть. Ибо не к одному только злу направлена изменяемость человека (невозможно было бы ему пребывать в добре, если бы по природе он имел склонность к одному только тому, что противно добру); но изменяемость производит и прекраснейшее дело – возрастание в добре, когда изменяющегося к лучшему изменяемость в сторону добра постоянно приближает к Божеству. Таким образом то, что кажется страшным (я имею в виду изменчивость нашего естества), есть словно бы некое крыло для воспарения к большему – [в этом] убеждает [наше] рассуждение. Так что было бы даже вредом для нас, если бы наша природа не допускала изменчивости к лучшему. Итак, пусть не скорбит тот, кто видит в своей природе склонность к изменению; но, непременно изменяясь к лучшему и *преобразуясь от славы в славу* (2 Кор. 3, 18), переменяется так, чтобы чрез ежедневное возрастание

постоянно становиться лучше, всегда совершенствоваться и никогда не доходить до предела в совершенстве. Ибо истинное совершенство в том и состоит, чтобы никогда не останавливаться в возрастании к лучшему и никаким пределом не ограничивать совершенства.

Благо

Удаляющиеся от неистинного блага представляются отсюда к благу существенному, которое всегда, везде и во всем есть благо, а не в известное только время, в некоторых случаях и в известном отношении, но всегда пребывает одинаковым и тождественным. Итак, к сему благу приходит душа от плотяной жизни, переменяя настоящее состояние жизни на некое иное; точно уразуметь это состояние, каково оно, для соединенных с плотью невозможно, но чрез отъятие признаков сей жизни возможно при помощи аналогии составить некоторую догадку о нем. Оно уже не будет соединено с телесною грубостью; жизнь не будет зависеть от равновесия противоположных стихий, равномерное взаимное борение которых производит наш состав и здоровье; ибо избыток или недостаток какой-либо из противоположных (стихий) причиняет страдание и болезнь в нашей природе. В том состоянии ни лишение не будет нисколько истощать, ни отягощение обременять; жизнь будет совершенно независима и от всех невзгод воздуха, разумею мороза и жары, и свободна от всего того, что мы представляем в виде смены противоположностей. Душа будет там, где жизнь свободна от всех необходимых трудов и не обречена им. Она не будет страдать от тягости земледелания, подвергаться трудам мореплавания, заниматься торговым барышничеством; чуждая забот

о постройке, о тканье, о ремесленных искусствах, она будет проводить «тихое и безмолвное житие», как говорит Павел (см. 1 Тим. 2, 2), не сражаясь на коне, ни на корабле, не бросаясь в рукопашный бой в рядах пехоты, не заботясь о приготвлении оружия, не собирая податей, не устраивая ни рвов, ни стен; все это для нее не нужно, и от всего этого она свободна. Ни для нее нет забот, ни другим она не доставляет их; в ее жизни нет места рабству и господству, бедности, благородству и незнатности рода, скромному состоянию простых людей и чиновному начальствованию и всякому подобному неравенству. Ибо необходимость всего этого уничтожается при отсутствии нужд и при невещественности той жизни, в которой главным началом существования души служит не усвоение чего-либо сухого или влажного, но разумение божеского естества; вдыхание же воздуха, как не сомневаемся, там будет заменено общением с истинным и Святым Духом. Наслаждение сими благами не будет сменяться подобно тому, как в сей жизни, то имением их, то лишением, то стремлением к ним, то отвращением, но будет всегда полным, и никогда полнота его не будет ограничиваться насыщением. Ибо не отяготительно и ненасыσιμο духовное услаждение; оно постоянно без пресыщения и избытка удовлетворяет желаниям тех, кои пользуются им.

Благодарение Господу

Ты, Владыко, поистине чистый и приснотекущий источник благодости; Ты справедливо отвратился от нас и человеколюбиво помиловал нас, возненавидев, примирился с нами, проклял и благословил, изгнал из рая и опять призвал, снял с нас листья смоковницы – постыдный покров и облек одеждой многоценной, отверз темницу и освободил осужденных, окропил водой чистой и очистил от скверн. Уже не будет стыдиться призываемый тобою Адам и не станет скрываться, обличаемый совестью, хоронясь под кустом рая. Уже не станет огненный меч ограждать рай, делая вход недоступным для приближающихся к нему. Но все для нас, наследников греха, изменилось к радости. Доступнее человеку рай и самое небо, пришла в дружественное согласие тварь как в мире, так и превыше мира, древле враждовавшая между собою, и мы люди стали согласны с ангелами, благочестиво исповедуя их богословие. По всему этому воспоем песнь радости Богу, которую древле пророчески возгласили уста, одушевленные Духом: *«Да возрадуется душа моя о Господе: облече бо мя в ризу спасения и одеждею веселия одея мя: яко на жениха возложи на мя венец, и яко невесту украси мя красотою* (Ис. 61, 10). Украситель же невесты, конечно, есть Христос, сый и прежде, сый (и ныне) и грядый, благословенный ныне и во веки. Аминь.

Блажен Христов воин

Сколь блажен тот, кто стоит в рядах божественного воинства и находится в строе исчисляемых тысячами и вооружился против зла добродетелями, которые знаменуют образ Царя на том, кто облекся ими.

Бог везде может спасти

Явившийся Христос есть истинный Бог, это мы исповедовали и прежде, чем были на месте, и после этого вера не уменьшилась и не увеличилась. О вочеловечении чрез Деву мы знали и прежде, чем были в Вифлееме; и воскресению из мертвых мы веровали прежде, нежели видели гроб; что истинно было вознесение, исповедали прежде, нежели увидели гору Масличную. Ту только принесло нам пользу путешествие, что по сравнению мы узнали, что у нас более святого, чем в других странах. Посему боящиеся Господа хвалите Его в тех местах, в которых находитесь. Ибо перемена места не приближает к нам Бога. Но где бы ты ни был Господь придет к тебе, если обитель души твоей окажется такой, чтобы Господь мог вселиться в тебе и ходить (см. Лев. 26, 12). А если внутренний твой человек полон лукавых помыслов, то хотя бы ты был на Голгофе, хотя бы на горе Масличной, хотя бы под памятником воскресения – ты столько далек от принятия Христа в себя, сколько и те, которые не исповедали и начала веры. Итак, возлюбленный, советуй братьям из тела путешествовать к Господу, а не из Каппадокии в Палестину. Если же кто выставит на вид против сего слово Господа, заповедавшее ученикам не отлучаться от Иерусалима, пусть уразумеет смысл сказанного. Поскольку благодать Святого Духа и раздаяние (Его даров) еще не было сообщено апосто-

лам, то Господь приказал им оставаться в том же месте, пока не облекутся силою свыше. Если бы то, что было сказано, продолжалось доныне, то есть если бы Дух Святой раздавал бы каждому дары в виде огня, то всем следовало бы быть в том месте, где совершается раздаяние дарований. А если Дух где хочет дышит, то и здесь уверовавшие делаются причастниками дарования по сродству веры, а не по причине путешествия в Иерусалим.

Бог вездесущ

Божество равно находится во всем и одинаково проникает все творение; нет ничего, что бы пребывало в бытии вне Сущего, но Божеское естество соприкасается каждому существу, все содержа в себе всеобъемлющею силою, как и пророк поучает, говоря: перенесусь ли мыслью на небо, исследую ли, нисходя мысленно, то, что под землею, простру ли разумную силу души к пределам существующего – во всем увижу всевластвующую Твою десницу. Подлинное же изречение его таково: *Аще взыду на небо, Ты тамо еси: аще снйду во ад, тамо еси. Аще возму криле мои рано и вселюся в последних моря, и тамо бо рука Твоя наставит мя, и удержит мя десница Твоя* (Пс. 138, 8–10). Из этих слов можно видеть, что не отделено для Бога, по преимуществу, небесное жилище.

Бог и грех несовместимы

Если страшно даже один раз подвергнуться близкой опасности греха, и на этом основании ты считаешь более безопасным даже и не вступать на путь, ведущий к высочайшей цели, то насколько ужаснее сделать грех занятием всей жизни и по этой причине полностью лишиться части в той, чистейшей жизни? Как станешь ты слушать Распятого, живущий, Мертвого греху (см. Рим. 6, 2, 10), если грех в тебе силен, повелевающего вслед Него (см. Мф. 10, 38) идти и как знамение победы над противником нести крест на теле, когда ты не распялся миру (см. Гал. 6, 14) и не воспринял «мертвости» плоти (см. 2 Кор. 4, 10)? Как сможешь ты повиноваться Павлу, который убеждает тебя представить тело твое в *жертву живу, святу, благоугодну Богови...*, когда *сообразуешься веку сему*, а не «преобразуешься обновлением ума» своего (Рим. 12, 1–2) и не «ходишь во обновлении жизни» (см. Рим. 6, 4) сей, но еще следуешь путем жизни ветхого человека? Как будешь совершать священнодействия Богу ты, помазанный именно для того, чтобы приносить дар (см. Евр. 8, 3) Богу, и дар, конечно, не какой-нибудь чужой и незаконный, взятый от благ, привходящих извне, но поистине твой собственный, который есть внутренний человек (см. Еф. 3, 16; 2 Кор. 4, 16), долженствующий быть совершенным и непорочным, по закону об агнце (см. Лев. 22, 19; Исх. 12,5), чуж-

дым всякого повреждения и порока? Как будешь приносить этот дар Богу, когда не повинуюешься закону, который воспрещает священнодействовать нечистому? И если желаешь удостоиться явления Божия, то почему не слушаешь Моисея (см. Исх. 19, 15), который повелевает народу очиститься от дел брака, чтобы быть достойным явления Божиего? Если тебе маловажным кажется «сораспяться Христу» (см. Гал. 2, 19), представить себя в жертву Богу, быть священником Бога Вышнего (см. Быт. 14, 18), удостоиться явления великого Бога, то что мы можем предложить тебе выше этого, если ты и проистекающие сюда блага будешь считать столь же незначительными? Ибо если кто сораспинается Христу, тот чрез это самое вместе с Ним и живет, и с Ним прославляется (Рим. 8, 17), и царствует. А кто представит себя в жертву Богу, тот чрез это может достигнуть изменения естества и достоинства человеческого в ангельское, ибо и Даниил так говорит: *тмы тем предстояху Ему* (Дан. 7, 10). Кто принял истинное священство и подчинил себя великому Архидиакону, тот, несомненно, и сам пребывает священником во веки, и смерть не возбраняет ему пребывать им всегда (см. Евр. 7, 23–24). Но кто удостоился видеть Самого Бога, тот имеет плодом не что иное, как то, что он удостоился видеть Бога. Ибо верх всякой надежды, предел и главную цель всякого желания, Божия благословения, всякого обетования и «неизреченных» благ, превышающих, как веруем, чувства и разум (см. 2 Кор. 12, 4; Флп. 1, 9), составляет то, что возже-

лал видеть Моисей, чего желали многие пророки и цари (см. Лк. 10, 24), но чего удостаиваются лишь чистые сердцем – те, кто именно потому являются и именуются подлинно блаженными, что они Бога узрят (см. Мф. 5, 8).

Бог спасает человека

Как однократное удаление от благ последовательно вводит все виды зол, так что отвращением от жизни введена смерть, с оскудением света произошла тьма, по отсутствию добродетели она замещена пороком, и по отсутствию какого-либо из благ занято его место в списке противоположным, то человека, в такие и подобные бедствия впадшего по неразумию (невозможно было и сохранить благоразумие отвратившемуся от благоразумия и восхотеть чего-либо мудрого удалившемуся от мудрости), кому должно было снова воззвать к первоначальной благодати? Кому приличествовало исправление падшего, или воззвание погибшего, или руководство заблудшего? Кому другому, конечно, как не Господу естества?! Ибо одному только Давшему жизнь вначале возможно и вместе прилично было воззвать и жизнь погибающую.

Богоугодный пастырь

Если вода в канале часто переливается чрез прилежащую плотину и, разлившись по сторонам, утекает от русла; то, не завалив места, послужившего причиной разлива, трудно бывает возвратить ее к прежнему течению, так как она промывает уже углубление в почве. Так и стремление отступников, однажды из страсти к спорам уклонившись от прямой и правой веры, идет глубже и глубже уже от привычки и нелегко возвращается к прежней благодати. Поэтому ваши дела требуют мудрого и великого приставника, умеющего хорошо их упредить, так чтобы он в силах был беспорядочное отклонение этого течения опять привести к прежнему благоустройству, дабы у вас пажити благочестия снова приносили богатые плоды при орошении притоком мира. Поэтому от всех вас требуется много тщания и усердия в этом деле, чтобы Святым Духом указан был такой предстоятель, который бы все внимание свое устремлял только на дело Божие, не отвлекая взоров своих ни на чем, о чем заботятся в сей жизни. Пророк Амос был пастырь коз, Петр – рыбарь, Андрей, брат его, и возвышенный Иоанн занимались тем же промыслом, Павел приготовлял палатки, Матфей – сборщик податей; подобно им и все прочие апостолы не были ни консулами, ни военачальниками, ни префектами, ни знаменитыми риториками и философами, но бедными и простыми людьми,

призванными к апостольству от самых скромных занятий. И, несмотря на все это, *во всю землю изыде вещание их и в концы вселенныя глаголы их* (Пс. 18, 5). Видите, говорит, *звание ваше, братие: яко не мнози премудри по плоти, не мнози сильни, не мнози благородни: но буяя мира избра Бог* (1 Кор. 1, 26–27). Может быть, и теперь кто-нибудь по наружности, пред очами людей кажется буим, как ничтожный по бедности или как не знатный по телесному происхождению. Но кто знает, не на него ли склоняется рог благодатного помазания, хотя бы он был самым меньшим между высокими и знатными людьми? Что полезнее было в начале для Рима, избрать ли для предстояния кого-нибудь из благородных и самых знаменитых сенаторов или рыбака Петра, у которого не было никаких мирских средств для достижения знаменитости? Был ли у него какой дом, были ли у него слуги, земля, доходами своими доставляющая избыток во всем? Но будучи чужестранцем, не имеющим крова и пищи, он был богаче всех обладающих, потому что неимением ничего он стяжал себе всего Бога... Ужели возможно сделаться смиренномудренным, кротким по нраву и умеренным, свободным от корыстолюбия, сведущим в делах Божественных, опытным в добродетельном и пристойном образе жизни тому, кто не видит этих качеств в учителе? Но я не знаю, каким образом обучившийся только мирскому может сделаться духовным? Ибо как могут быть непохожими на него те, кои подражают ему? Какая польза для жаждущих в водоеме великолепной

работы, когда в нем нет воды? Пусть колонны водопровода в разнообразных формах высятся к небесам своими вершинами; что лучше избрал бы на свою потребу жаждущий – смотреть ли на камни, прекрасно сложенные, или найти сам поток, хотя бы он струился по деревянному желобу, лишь бы давал чистую и годную для питья воду? Так, братие, и тем, которые ищут благочестия, не следует обращать внимания на внешность скинии; если кто имеет много друзей, гордится длинным перечнем своих достоинств, хвалится тем, что получает много ежегодных доходов и, обращая внимание на свое происхождение, величается и всячески надмевается гордостью, то такого нужно обходить, как водоем, не имеющий воды, если он не обнаруживает в жизни высших достоинств; а напротив, пользуясь светочем Духа для испытания, надобно искать, насколько возможно, *вертоград заключен, источник запечатлен* (Песн. 4, 12), как говорит Писание.

Богочеловечество Иисуса Христа

И человек Он (Христос), хотя и не во всем человек, но «якоже человек», по причине таинства рождения от Девы; чтобы из сего явно был что не во всем Он покорился законам человеческого естества, но божественно восприняв жизнь и не имев нужды в действии брака для образования собственного тела, не во всем обретается обыкновенным человеком по особенностям Его происхождения, но «якоже человек», и таким образом умалил Себя, сделавшись человеком без изменения (Своего естества). Ибо если бы от начала был им, то в чем заключалось бы умаление? Ныне же Всевышний через соединение с уничиженностью нашего естества умалил Самого Себя, ибо соединившись с принятым Им образом раба и став едино с ним, усваивает немощи раба. И как бывает у нас по связи между членами, если что случится с оконечностью ногтя, то все тело разделяет боль со страждущим членом, так как сочувствие проходит по всему телу; так соединившись с нашим естеством усваивает и наши немощи, как говорит Исаия: *Той недуги наша прият, и болезни понесе* (Мф. 8, 17), подвергшись язвам за нас, чтобы язвой Его мы исцелили (см. Ис. 53, 4–5); не Божество потерпело язвы, но соединенный с Божеством через единение человек, естество которого может быть доступно уязвлению. Совершается же это для того, чтобы разрушить зло тем же путем, ка-

ким оно вошло. Поскольку смерть вошла в мир послушанием (первого) человека, то изгоняется она послушанием второго человека (см. Рим. 5, 12–19). Поэтому (Господь) бывает послушным *даже до смерти* (Флп. 2, 8), чтобы уврачевать послушанием преступление преслушания, а воскресением из мертвых уничтожить вошедшую преслушанием смерть, ибо воскресение человека от смерти есть уничтожение смерти. *Тем же*, – говорит, – *и Бог Его превознесе* (Флп. 2, 9), эти слова служат как бы некоторой печатью предшествующего рассуждения. Ибо явно, что высочайшее не нуждается в возвышении, но уничиженное подымается на высоту, как скоро теперь становится тем, чем прежде не было. Ибо соединенное с Господом человеческое естество подымается на равную высоту вместе с Божеством, и возносится именно то, что подымается из уничиженности, а уничиженное есть образ раба, через вознесение становящийся Христом и Господом.

Богу чуждо зло

Где не имеет места зло, там нет никакого предела добру. В нас, при изменчивости естества, поскольку в произведении нашем есть равная возможность склоняться к тому и другому из противоположного, и доброе, и злое попеременно уступают место друг другу, и пределом доброго делается появляющийся порок; и все предначинания душ наших, одно другому противоположные и противящиеся, друг другу уступают место и друг другом определяются. Но Естество простое, чистое, однообразное, непреложное, неизменяемое, всегда одно и то же, никогда из Себя не выходящее, потому что не допускает до Себя возможности быть в общении со злом, пребывает беспредельным в добре, не видя даже пред Собою и предела, потому что не имеет в виду ничего противоположного. Поэтому, когда человеческую душу привлекает к общению с Собою, тогда по преимуществу в лучшем в равной тому всегда мере ставит ее выше, нежели сколько она причастна; потому что душа по причастии превосходнейшего становится непрестанно выше себя самой, и, возрастая, не останавливается в возрастании; добро, которого она причастна, однако пребывает наравне с ней, и душа, всегда более и более причащающаяся, наравне с тем находит оное непрестанно в преизбытке.

Божественное домостроительство

Когда из греховного корня обнаружилась вся сила нечестия, возросла и раскрылась многоразличными видами в волях людей, раскинув ветви свои по всем векам, знаменитым злодеяниями; тогда, как говорит апостол Павел к афинянам, *лета неведения презирая, Бог* (Деян. 17, 30) явился в последние дни, когда не было кто бы разумевал и взыскивал Бога, когда все совратились с пути, все разрастались, когда все заключилось под грех, когда мера беззаконий исполнилась. Как только мрак нечестия достиг последней степени, тогда-то явилась благодать, воссиял луч истинного света, взошло солнце правды для сидящих во тьме и сени смертной; тогда Принявший плоть человеческую сокрушил многоглавого змия, поправ его ногою и стерев о землю. И никто, смотря на совершающееся ныне в мире, не должен почитать несправедливою причину, по которой, как мы сказали, Господь снизошел к людям в последние времена. Ибо некоторые, может быть, скажут против нас, что Тот, Кто столько времени ожидал обнаружения зла, дабы истребить его до основания, после того, как оно обнаружилось, по всей вероятности, истребил грех всецело, так что ни малейшей его части не осталось в мире; между тем как и ныне производятся и убийства, и хищения, и прелюбодеяния, и все другие преступления. Но сомнение, рождающееся при встрече та-

ких опытов, можно разрешить самым обыкновенным примером. Известно, что при убиении змея удар, наносимый в голову, не раздробляет в то же время задней части пресмыкающегося; и когда первая совершенно лишится жизни, последняя еще одушевляется собственной жизнью и долго являет в себе признаки жизненной силы: так точно и Истребитель того дракона, который, возрастая с каждым поколением людей, сделался огромным зверем, сокрушив его голову, т. е. смертоносную для добра силу, вмещавшую в себе другие многочисленные главы, оставил в целости его туловище; а это Он сделал для того, чтобы движение, остававшееся в умерщвленном звере, возбуждало человека к борьбе с ним. Какая же это умерщвленная голова? – Та, которая лукавым советом внесла в мир смерть, и, уязвив человека, влила в него смертоносный яд. Итак, Разрушивший державу смерти сокрушил, по словам пророка, силу, заключающуюся в голове змия (см. Пс. 73, 14); а туловище этого чудовища, распростершись по всему человеческому роду, еще уязвляет его греховной чешуею, и будет уязвлять до тех пор, пока люди не освободятся от влечений греховных; впрочем, оно уже не имеет прежней силы, ибо сокрушена глава змия. Когда же наступит конец времени и с наступлением ожидаемой кончины жизни сей остановится все движущееся, тогда истребится конечная и последняя часть врага, т. е. смерть; и таким образом последует окончательное уничтожение греха, поскольку через воскресение все будут призваны к жиз-

ни: праведные немедленно переселятся в вышние селения, а оставшиеся в грехах преданы будут огню гееннскому.

Борьба с грехом

Человек, эта вещь великая и драгая (Притч. 20, 6), как назван он в Писании, лишившись своего достоинства, как если кто, поскользнувшись, упадет в лужу и вымажет в грязи лицо, (так что его) не узнают даже знакомые, (так он), упав в лужу греха, потерял образ нетленного Бога (см. Рим. 1, 23; 1 Тим. 1, 17) и через грех облекся в образ тленный и перстный, который Писание советует «отложить» (см. Иак. 1, 21; Еф. 4, 22), омывшись чистой жизнью, словно водой, чтобы, по взятии земного «покрывала» (см. Исх. 34, 34; 2 Кор. 3, 16) опять воссияла красота души. Сложить же чуждое значит опять возвратиться к свойственному ему и естественно-му состоянию, чего можно достигнуть не иначе, как сделавшись опять таким, каким он был сотворен в начале.

Боязнь потерять Бога

Где пасешь Ты, прекрасный Пастырь, взямлющий на рамена целое стадо? Ибо все естество человеческое есть единая овца, которую воспринял Ты на рамена. Покажи мне место злачное, сделай известною воду покойную (Пс. 22, 2), приведи меня на питательную пажить, назови меня по имени, да услышу Твой голос, извещающий, что я – Твоя овца, и гласом Твоим дай мне жизнь вечную. Возвести мне Ты, Кого возлюбила душа моя. Ибо так именую Тебя, потому что имя Твое выше всякого имени, и для всякого разумного естества неизреченно и неуместимо. Поэтому именем, извещающим о Твоей благодати, служит влечение к Тебе души моей. Ибо как не возлюбить мне Тебя, так возлюбившего меня, и притом очерненную, что полагаешь душу Свою за овец, которых пасешь? Невозможно и придумать любви, которая была бы больше Твоей, на душу Твою обменявшей мое спасение. Поэтому изведи меня, – продолжает невеста, – где Ты пасешь, чтобы мне, найдя спасительную пажить, насытиться небесной пищей, не вкушающий которой не может войти в жизнь: и чтобы, придя к Тебе – источнику, извлечь мне божественное питье, которое источаешь Ты жаждущим, изливая воду из ребра после того, как железом отверста эта водотечь, вкусивший которой сам делается источником воды, текущей в жизнь вечную. Ибо если упасешь меня там, то, без

сомнения, упокоишь в полудне, когда, вместе с Тобою почив в мире, упокоюсь в неотененном свете; не отенен же повсюду полдень, потому что солнце сияет над самою вершиною, где упокоеваешь пасомых Тобой, когда чад Своих приемлешь с Собою на ложе. Но полуденного упокоения никто не сподобляется, не сделавшись сыном света и дня. Кто равно стал далек и от вечерней и от утренней тьмы, то есть от того, с чего начинается и чем оканчивается зло, тот в полудне упокоевается Солнцем правды. Поэтому, – говорит невеста, – научи меня, как надлежит почить и какой путь к полуденному упокоению, чтобы меня, по ошибке избравшую себе недоброе руководство, незнание истины не свело вместе со стадами, чуждыми для Твоих пажитей.

Брак со Христом

Как в супружестве телесном не желающий быть отвергнутым приложит много забот о здоровье тела, о подобающем украшении, об изобилии богатства и о том, чтобы не иметь никакого пятна ни на своей жизни, ни на своем роде, ибо этим обычно достигают желанной цели, таким же образом и желающий вступить в духовное супружество пусть прежде всего покажет себя юным, отрешившимся через обновление ума (см. Рим. 12, 2) от всякой ветхости. Затем пусть он представится в изобилии имеющим то, о чем более всего пекутся, но славится пусть не земным имуществом, а украшается сокровищами небесными. Пусть поревнует и о том, чтобы иметь знаменитость рода – не ту, которая сама собой случайно может принадлежать и дурным людям, но которая достигается трудом и старанием, собственными добрыми делами, которой величаются лишь только «сынове света» (см. Ин. 12, 36; 1 Сол. 5, 5), чада Божии и те, кто именуется «благороднейшими... от восток солнца» (см. Иов 1, 3) за свои светлые дела. Крепости же и здоровья пусть достигает он не попечением о теле или утучнением плоти, но совершенно напротив – через немощь телесную усовершая силу духа (см. 2 Кор. 12, 9). Знаю и брачные дары, приличествующие этому браку, которые не на тленные средства приобретаются, но от собственного богатства души приносятся в дар. Хочешь знать

названия этих даров? Послушай Павла, прекрасного брачного распорядителя у некоторых богачей, которые во всех отношениях (что-то) представляют собой (см. 2 Кор. 6, 4). Говоря о других многих и великих дарах, он прибавляет также: и «во очищении» (см. 2 Кор. 6, 6). И опять-таки, все, что он в другом месте исчисляет как «плоды духовные» (см. Гал. 5, 22), все это – дары этого брака. И если кто хочет последовать Соломону и принять к себе подругой и помощницей жизни истинную премудрость, о которой тот говорит: *возжелей ея, и соблюдет тя, почти ю, да тя обьмет* (Притч. 4, 6, 8), – тот сообразно с достоинством такого желания пусть приготовит себе чистую одежду для участия в этом брачном торжестве вместе с веселящимися, чтобы не изгнали его, если он явится, чтобы принять участие в празднестве, не одетым в «одеяние брачное» (см. Мф. 22, 11–12). Очевидно, что этот способ приготовления к браку такого рода является общим как для мужей, так и для жен; поскольку, как говорит апостол, *несть мужеский пол, ни женский* (Гал. 3, 28), *но всяческая и во всех Христос* (Кол. 3, 11). И, конечно, влюбленный в премудрость божественным предметом своего вожделения имеет истинную Премудрость; и душа, прилепившаяся к нетленному Жениху, пылает любовью к истинной премудрости, которая есть Бог.

Важность Божией помощи

Столь злы и неудобоисцелимы и такую силу имеют сокрытые в душе пороки, что одним человеческим старанием и добродетелью уничтожить и изгнать их невозможно, разве если кто, молитвой призвав в союзники силу Духа, не свергнет внутреннего тирана – порок, как тому научает Дух, устами Давида глаголя: *от тайных моих очисти мя, и от чуждых пощади раба Твоего* (Пс. 18, 13–14).

Важность милостыни

Не презирай лежащих, как ничего не стоящих. Подумай, кто они, и найдешь их цену. Они носят на себе образ Спасителя нашего. Ибо Человеколюбец дал им собственный образ, чтобы им устыдить несострадательных и нищененавистников; они подобны тем, кои указывают насилующим их на царские изображения, чтобы образом владычествующего устыдить презрителя. Они – сокровищехранители ожидаемых благ, привратники царствия, отверзающее двери для добрых и заключающее для жестоких и человеконенавистников. Они – и сильные обвинители, и добрые защитники. Защищают же и обвиняют не словом, но видом своим перед Судьей. Ибо делаемое для них взывает к Сердцеведцу внятнее всякого глашатая.

Важность усердия

Никто пусть не извиняет себя бессилием для подвига добродетели; ибо Господь не повелевает ничего невозможного рабам [Своим], но Сам выказал столь щедрую и богатую ко всем любовь и благость Своей божественности, что каждому по желанию [его] предоставил возможность сделать нечто благое, так что никто из имеющих усердие ко спасению [этой] возможностью не обделен.

Величие добродетели

Что дружественно Богу и имеет способность прозревать истину, что в истории названо Израилем, – лишь одно оно *преходит море, яко по суху* (см. Исх. 14, 22; Евр. 11, 29), несколько не чувствуя горечи и солёности житейских волн. Так образно, под водительством закона (ибо Моисей был прообразом закона) и израильтяне перешли через море, не омочив ног, египтяне же, вслед за ними вступив в него, потонули; каждый по своей собственной природе: один переходит легко, а другой тонет в глубине. Ибо добродетель есть нечто легкое и устремленное ввысь.

Воля Божия

Воля Божия состоит в том, чтобы благодатью очистить душу от всякой скверны, поставив [ее] выше телесных наслаждений и чистой привести ее к Богу, ибо таких называет блаженными Господь, говоря: *Блаженни чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8). И в другом месте Он говорит: *Будите убо вы совершени, якоже Отец ваш небесный совершен есть* (Мф. 5, 48).

Вонми себе

О человек! Всякий причастный человеческого естества «вонми себе», по заповеди Моисея (см. Втор. 4, 9), и точно узнай себя, кто ты, вникнув мыслью, что ты по истине и что видимое вокруг тебя, дабы взирая на то, что вне тебя, не подумать, что видишь себя самого. Узнай от великого Павла, тщательно изучившего это естество, что есть у нас, как говорит он, один внешний человек, а другой внутренний, и что когда тот тлеет, этот обновляется (см. 2 Кор. 4, 16).

Итак, смотря на тлеющего, не подумай, что видишь себя самого. Конечно, и это тленное будет некогда свободно от тления, когда в пакибытии смертное и удоборазрушимое преобразится в нетленное и неразрушимое. Но то, что ныне является вне нас, протекает, переходит и истлевает. Итак, не на это должно взирать, потому что и на другое что-либо из видимого не следует обращать взор, но, как говорит Павел, мы не должны смотреть на видимое: *видимая бо временна, невидимая же вечна* (2 Кор. 4, 18), но, обратив взор ума к невидимому в нас, должны верить, что истинно мы то, что недоступно познанию посредством чувств.

Возвращение в рай

Каким путем мы оказались вне рая, будучи изгнаны в лице прародителя, таким же и теперь можем опять, если пойдем, возвратиться в истонное блаженство. Какой же это путь? Удовольствие, полученное обманом, было началом падения. Потом за страстью удовольствия последовали стыд (см. Быт. 3, 7, 2, 25) и страх (см. Быт. 3, 10) и то, что они уже не смеют явиться пред взоры Создателя, но скрываются в листьях и тени; после того одеваются мертвыми «кожами» (см. Быт. 3, 21) и таким образом высылаются жить в эту юдоль, полную болезней и трудов, где брак изобретен как утешение для смертных.

Возрождение после крещения

Если кто до крещения был невоздержным, любостыжательным хищником чужого, обидчиком, лжецом, клеветником или предан подобным и близким к сим порокам; тот пусть будет ныне благонравным и целомудренным, довольным своим и от своего подающим тем, кто находится в бедности, правдолюбивым, почтительным, благосклонным, коротко сказать, — подвизающимся во всяком похвальном деле. Ибо как светом рассеивается тьма и как чернота исчезнет, когда будет закрашена белою краскою, так и ветхий человек исчезнет, когда его украсят дела правды. Видишь, как Закхей изменением образа жизни умертвил в себе мытаря, возвратив и дав вчетверо тем, коим неправо причинил ущерб (см. Лк. 19, 8). Евангелист Матфей, другой мытарь, занимавшийся тем же делом, что и Закхей, после призвания (Мф. 9, 9) тотчас переменял жизнь, как бы какую личину, гонителем был Павел, но после (принятия) благодати стал апостолом, понес за Христа тяжкие узы в знак воздаяния и раскаения за те несправедливые узы, которые, взяв у закона, нес возложить на Евангелие (см. Деян. 9, 1–3). Таковым должно быть возрождение, так должно изглаживать привычку к греху, так должно жить сынам Божиим, ибо мы зовемся после (получения) благодати сынами Божиими. Поэтому должно тщательно присматриваться к свойствам нашего Родите-

ля, чтобы, образуя себя и свою жизнь по подобию Отца, мы явились истинными чадами Того, Кто призвал нас к благодатному усыновлению.

Ибо если кто Отческое благородство не оправдывает делами, то это дурной признак – он незаконнорожденный, подкидыш. Поэтому, кажется мне, и Господь в Евангелии, устанавливая нам правила жизни, употребил такие выражения, (обращаясь) к ученикам: *добро творите ненавидящим вас, и молитесь за творящих вам напасть и изгоняющих вы: яко да будете сынове Отца вашего, Иже есть на небесех, яко солнце Свое сияет на злыя и благия, и дождит на праведныя и на неправедныя* (Мф. 5, 44–45). Ибо тогда, говорит, будут сынами, когда в своих помыслах напечатлеют подобие Отческой благодати в человеколюбии к ближним.

Воскресение Христово

Относительно воскресения Господа нельзя думать, что Он, как Лазарь или другой кто-либо из оживленных, возвращается к жизни чуждой силою; но Единородный Бог Сам воскрешает соединенного с Ним человека, сперва отделив душу от тела, потом опять соединив оба, и таким образом происходит спасение естества (нашего) всего вообще, почему и называется Он «начальником жизни» (см. Деян. 3, 15). Ибо Единородный Бог в (естестве), умершем за нас и восставшем, мир примирил с Собою (см. 2 Кор. 5, 19), всех нас, сделавшихся общниками Ему по плоти и крови, чрез сродную с нами кровь искупив, как бы каких военнопленных, на что указывает и апостольское изречение, в котором сказано, что *мы имамы избавление кровью Его, и оставление прегрешений* плотью Его (Еф. 1, 7). Так говорим мы на основании (правильного) разумения представленных слов апостола.

Врачевание мучениями

Те, которые гонят за исповедание Господа, и вымышляют нестерпимые мучения, трудностью оных доставляют душам некоторое исцеление, приражениями скорбей врачуя от болезни сластолюбия. Так приемлют Павел – крест, Иаков – меч, Стефан – камни, блаженный Петр – прободение копьем во главу; все бывшие после подвижники веры – разнообразные виды мучений, зверей, пропасти, костры, оцепенения от холода, обнажение ребер от плоти, пробитие главы гвоздями, избодение очей, отсечение перстов, вырывание с обеих сторон тела по частям, томление голодом – все это и подобное сему, как очищение от греха, с весельем терпели святые, чтобы и следа, произведенного сластолюбием, не оставалось в сердце после того, как это болезненное и мучительное ощущение сгладит в душе все отпечатки сластолюбия.

Второе пришествие

Единожды Вошедший во вселенную, став первородным из мертвых, в братьях и всей твари, когда снова войдет во вселенную, судя *вселенной в правду*, как говорит пророчество (см. Пс. 9, 9), не сложит с Себя имени «Первородный», которое единожды принял за нас. Но как о имени Иисусове, *еже паче всякаго имене, всяко колени поклонится* (Флп. 2, 9–10), так и Пришедшему под именем Первородного поклонится полнота всех ангелов, радующаяся призыванию человека, каким, вследствие того, что сделался нашим первородным, снова призвал опять в первоначальную благодать. Поскольку радость будет у Ангелов о спасаемых от греха (потому что она *тьварь совоздыхает и сболезнует даже до ныне* нашей суеи (Рим. 8, 22), почитая собственным своим ущербом нашу погибель), когда последует откровение сынов Божиих, которого за нас всегда чают и нетерпеливо ждут (Рим. 8, 19), и когда спасется овца в горней сотне (овцу же сию составляем все мы, все естество человеческое, и ее-то спас благой Пастырь тем, что сделался Первородным), тогда-то особенно в усиленном благодарении за нас совершится поклонение Богу, первородством призвавшему удалившегося от отеческого дома.

Грехопадение ввело смерть

Поскольку свободным движением вовлекли мы себя в общение со злом, с каким-то удовольствием, как бы отраву некую, приправленную медом, примешав к естеству зло, а через это лишившись блаженства, которое, как представляем, в том и состоит, чтобы не страдать, преобразились в порок, то по этой причине человек, подобно какому-то скудельному сосуду, опять разлагается в землю, чтобы по отделении воспринятой им скверны воскресением мог быть воссоздан в первоначальный вид.

Девство

Потому, я думаю, источник нетления – Сам Господь наш Иисус Христос – не через брак вошел в этот мир, чтобы образом Своего вочеловечения открыть ту великую тайну, что вход и пришествие Божие может и способна воспринять одна лишь чистота, достигнуть которой в совершенстве можно не иначе, как отрешившись всецело от плотских страстей. Ибо то, что произошло с непорочной Марией телесным образом, когда исполнение Божества (см. Кол. 2, 9) во Христе воссияло через девство (через Деву), то же происходит и со всякой душой, ведущей девственную жизнь по разуму. Хотя Господь не приходит более в телесном виде, ибо *не разумеем* *тому... по плоти Христа* (2 Кор. 5, 16), говорит Писание, но духовно Он вселяется (в душу) и вводит с Собой Отца, как говорит где-то Евангелие (см. Ин. 14, 23). Итак, поскольку сила девства такова, что оно и на небесах у Отца духов (см. Евр. 12, 9) пребывает, и с премирными силами торжествует, и человеческому спасению содействует, – поскольку собой вводит Бога в общение с человеческой жизнью, а человека окрыляет желанием небесного и делается как бы некоей связью содружества человека с Богом, через свое посредство приводя в согласие столь далеко отстоящее друг от друга по естеству, – то какая сила слова будет в состоянии объять это чудо?

Жажда встречи с Богом

Если кто совершает путь среди полдня, когда солнце знойными лучами опалает голову и жаром иссушает все влажное в теле, а под ногами у идущего лежит земля жесткая, неудобопроходимая, безводная, потом же такому человеку встретится источник, из которого прекрасная, прозрачная, приятная, прохлаждающая струя льется обильно, – то неужели сядет он у воды и начнет любомудрствовать о ее естестве, доискиваясь, откуда она, как, отчего и обо всем тому подобном, о чем обычно рассуждать празднословам, а именно что некая влажность, распространенная в земной глубине, пробивающаяся вверх и сгнетаемая, делается водою, или что жилы, проходящие дольными пустотами, как скоро отверстия их делаются свободными, изливают воду? Или, распростившись со всеми рассуждениями, приклонит голову к струе и приложит уста, утолит жажду, прохладит язык, удовлетворит желанию и возблагодарит Давшего сию благодать? Поэтому подражай и ты этому жаждущему. Скажи: *блажени жаждущии*, и дознав, какие и сколь многие блага источает Святой Дух, сделай то же, что и пророк: отверзи уста твои и привлеки Дух (см. Пс. 118, 131), *расшири уста твоя, и исполни я* (Пс. 80, 11), имея власть над дарованиями. Хочешь ли знать, сколько благ изливается из источника Духа? Бессмертие души, вечность жизни, Царство Небесное, непрекращающееся

веселье, радость, не имеющая конца.

Жизнь в свете добродетелей

Наша жизнь должна быть озаряема лучами истинного света. Лучи же *солнца правды* (Мал. 4, 2), истекающие для просвещения нашего, суть добродетели, посредством которых мы отлагаем дела тьмы, и *яко во дни, благообразно ходим* (Рим. 13, 12–13), и отвергаем потаенные студные дела (2 Кор. 4, 2), и все совершаем во свете, и сами становимся «светом», так что и другим делами светим (см. Мф. 5, 15–16), как свойственно свету.

Жизнь христианина

Служители Христа и истины за веру и труды добродетели от благодати Духа получая блага, естество превосходящие, с неизреченной радостью и легкостью приносят плод искренней и непреложной любви, неизменной веры, незыблемого мира, истинной благодати и всего остального, благодаря чему душа, став превыше самой себя и сильнее злобы врага, уготовляет себя чистым жилищем поклоняемому и Святому Духу, от Него же приняв бессмертный мир Христов, Им соединяется с Господом и прилепляется Ему. Приняв же благодать Духа и прилепившись Господу, став с Ним единым духом (см. 1 Кор. 6, 17), [душа] не только легко совершает дела добродетели, совсем не тратя сил на борьбу с врагом, – затем, что стала сильнее его злого умысла, но и, что всего важнее, сама восприимлет Страсти Спасителя и радуется им более, нежели охотники до [удовольствий] здешней жизни – почестям от людей, славе и могуществу. Ибо христианину, через благое житие и дарование Духа пришедшему в меру мысленного возраста (см. Еф. 4, 13) данной ему благодати, слава и неча и лучший вид наслаждения – быть ненавидимым Христа ради, быть гонимым, сносить всяческое поношение и оскорбление ради веры в Бога. Ведь если все упование его – на воскресение и чаемые блага, то всякое поношение, и язвы, и гонения, и прочие страдания вплоть до креста – это

нега, и упокоение, и залог небесных сокровищ.

Забота настоящей жизни

Вся забота настоящей жизни состоит в том, чтобы высота души не снизилась от напора удовольствий и чтобы разум наш, вместо того, чтобы воспарять к небу и созерцать горня, не пал, низвергшись к страстям плоти и крови. Ибо как может свободным оком взирать на сродный себе и умный (νοητον) свет души, пригвожденная к дольным плотским удовольствиям и устремившая все желание к человеческим страстям, когда по какой-то дурной и невежественной предрасположенности склоняется к предметам вещественным? Как глаза свиней, по природе обращенные вниз, не могут видеть чудных красот небесных, так душа, привязавшись к телу, не может созерцать горних красот, потому что преклонилась к тому, что грубо и скотоподобно по природе. Итак, чтобы душа наша могла свободно и беспрепятственно стремиться к божественному и блаженному наслаждению, она не должна обращаться ни к чему земному и принимать участия в тех мнимых удовольствиях, которые дозволяются брачной жизнью, но всю силу любви от плотских предметов должна обратить к созерцанию умственной и невещественной красоты.

Искупление

Подобно тому как и болезнь, и уродство не от начала прирождены нашей природе, но составляют противоестественное явление; так и деятельность, направленную ко злу, должно признавать как бы каким искажением врожденного нам добра; зло мы понимаем не как нечто самостоятельное в нашей природе, но смотрим на него как на отсутствие только добра. Посему преобразовавший нашу природу, дав ей божественную силу, сохранил ее в себе свободною от недостатков и болезни, не приняв повреждения воли, происшедшего от греха. Он *греха не сотвори*, – говорит Писание, – *ни обретеся лествица во устах Его* (1 Пет. 2, 22). И это свойство мы усматриваем в Нем не по истечении какого-либо промежутка времени, но тотчас, как сделался (воплотившись) в Марии Человеком, в Котором Премудрость создала Себе дом. По природе человеческой Он произошел из вещества, страстям подлежащего, но вместе с наитием Святого Духа и осенением силой Вышнего, стал тотчас тем, чем был по естеству Своему осенивший Его. Ибо *без всякаго же прекословия меньшее от большего* благословляется (Евр. 7, 7). Итак, поскольку сила Божества есть нечто бесконечное и неизмеримое, а человеческое естество скоротечно и ничтожно, то как скоро Дух снизошел на Деву и сила Вышнего осенила Ее, скиния, водруженная таким способом, не привлекла к себе ничего из

человеческой тленности, так что в этом составе, хотя и был человек, но в то же время был и Дух, и благодать, и сила; особенность нашей природы осиявалась (в Нем) преизбытком божественной силы. И поскольку существуют два предела человеческой жизни: один, с которого начинаем, и другой, когда перестаем жить, то необходимо было Врачуящему всю нашу жизнь обнять нас с этих двух пределов, чтобы, восприняв наше начало и конец, с той и другой стороны вознести горе долу лежащего. Итак, что мы видим при конце земного бытия, то же рассуждаем и о начале его. Ибо как там по домостроительству (спасения) Он попустил расторжение тела от души, причем неделимое Божество, раз соединившись с нашим естеством, не разлучилось ни от души, ни от тела, но будучи с душой в раю, через разбойника открыло вход в него людям, телом же находясь в сердце земли, уничтожило имущего державу смерти (почему и само тело называется Господом вследствие присутствия в нем Божества), так и о душе рассуждает, что сила Вышнего, через наитие Святого Духа примешавшись ко всему нашему естеству, стала существовать и в душе нашей, как прилично ей быть в душе, и соединилась с телом, чтобы спасение наше было всецелым во всех отношениях; причем как и в начале человеческой жизни, так и в конце ее Божество сохраняет богоприличное и высокое бессмертие. Ибо ни начало Его жизни не подобно началу нашей, ни конец его – нашему концу, но как там, так и здесь Он проявил Божескую власть, т. к. начало его не бы-

ло осквернено страстью, ни конец не окончился истлением.

Истинная правда

Какая правда, простирающаяся на всех, вождение которой, как общее, предлежит всякому, имеющему в виду евангельскую трапезу, богат ли он, или беден, рабствует, или господствует, знатного ли рода, или купленный раб, так что никакое внешнее обстоятельство не увеличивает, и не умаляет понятия правды? Ибо если может она находиться только в том, кто выше прочих властью какою и преимуществом; то почему праведен поверженный у ворот богатого Лазарь, не имеющий у себя никакого средства для оказания таковой правды: ни начальства, ни власти, ни дома, ни трапезы, ни другого какого житейского запаса, чем можно на деле совершить оную правду? Ибо если правда возможна тому, кто начальствует, оделяет или вообще имеет что-либо под смотрением; тот, кто не заведует этим, без сомнения, вне возможности творить правду. Почему же сподобляется успокоения не имевший у себя того, чем, по словам многих, отличается правда? Поэтому надо нам искать той правды, вожделевший которой по обетованию насладится ею. Ибо сказано: *блаженни алчущии... правды, яко тиши насытятся* (Мф. 5, 6). Сказуемое же, кажется мне, имеет такой некий смысл: чего домогаются в жизни для удовольствия, то служит к насыщению домогающихся; напротив того, заботливость об удовольствиях, как где-то загадочно говорит Премудрость, — *сосуд со-*

крушен (Притч. 23, 27), который непрестанно с тщанием наполняя, домогающиеся этого показывают какой-то неисполнимый и ни к чему не служащий труд, всегда вливая что-то в бездну пожелания и прибавляя к удовольствию, но не доводя пожелания до сытости. Познал ли кто предел сребролюбия, приобретая то, чего домогаются сребролюбцы? Успокоился ли кто до неистовства славолюбивый, получив, чего искал? А кто насытил сластолюбие слышанным, или виденным, или беснованием и неистовством чрева и того, что за этим; тот нашел ли какой прибыток в себе от сего наслаждения? Всякого рода удовольствие, ощущаемое телом, не таково ли, что вместе и приближается, и улетает, и на самое краткое время не оставаясь у коснувшихся его? Поэтому дознаем от Господа это высокое учение, что одно только утвердившееся в нас речение о добродетели есть нечто твердое и состоятельное. Ибо кто преуспел в чем-либо высоком, например, в целомудрии, или в скромности, или в благочестии перед Богом, или в другом каком из возвышенных и евангельских учений, тот при каждом преуспевании имеет не мимолетное и неустойчивое, но непоколебимое, во все продолжение жизни пребывающее и продолжающееся веселье. Почему? Потому что все это всегда можно приводить в действие, и во все продолжение жизни нет времени, приводящего в пресыщение и добрую деятельность. И целомудрие, и чистота, и непреткновенность во всяком добре, и необщительность с злом всегда приводятся в действие, пока име-

ет кто в виду добродетель, и деятельность сопровождается весельем. А у предавшихся бессмысленным похотям, хотя душа всегда имеет в виду непотребство, однако, не всегда бывает наслаждение. Ибо жадность к еде останавливает сытость, удовольствие пьющего угасает вместе с жаждой, и все другое таким же образом имеет нужду в некотором времени и промежутке, чтобы снова возбудить желание услаждающего, ослабленное удовольствием и насыщением. Но приобретение добродетели, в ком однажды твердо она укоренилась, ни временем не меряется, ни сытостью не ограничивается, но живущим добродетельно всегда доставляет чистое, живое, сильное ощущение собственных своих благ. Почему алчущим этого Бог Слово обещает удовлетворение алчбы, такое удовлетворение, которое сытостью воспаляет, а не угасает, желание.

Истинное родство со Христом

Если мы намерены принять на себя звание братьев Предшественника нашего в рождении, то должны свидетельствовать о своем родстве с Ним безгрешностью нашей жизни, так, чтобы никакая скверна не отделяла нас от единения с чистотою. Но Перворожденный есть и Правда, и Освящение, и Любовь, и Избавление, и тому подобное. Итак, если черты всего этого будут просматриваться и в нашей жизни, то мы явим в себе признаки нашего высокого рода, так что [каждый], видя эти черты в нашей жизни, засвидетельствует наше братство со Христом. Ибо Он отверз нам дверь воскресения и тем самым стал *Начатком умерших* (1 Кор. 15, 20). А что все мы восстанем *вскоре, во мгновении ока, в последней трубе* (1 Кор. 15, 52), это Он доказал тем, что сделал как с Самим Собой, так и с прочими, над кем владычествовала смерть.

Истинный пост

Пост узаконен для чистоты души; если же он оскверняется иного рода намерениями и действиями, то для чего напрасно тратим воду, которую пьем? Для чего возделывать эту несмываемую и чрезмерную грязь? Что пользы от телесного поста, если нечист ум? Ибо никакой нет пользы, если колесница прочна и упряжь в порядке, а возница не в своем уме. Что пользы в корабле, хорошо устроенном, если кормчий будет пьян? Пост – основание добродетели. Но как основание дома и дно корабля, хотя бы были весьма твердо положены, бесполезны и не имеют никакой цены, если следующее за тем в них построено неискусно: «так и от воздержания сего нет никакой пользы, если к нему не приложатся, и за ним не последуют и прочие правые дела».

Как надо приступать к Богу

Когда приступаем к Богу, будем сперва обращать внимание на жизнь свою, имеем ли в себе что-либо достойное божественного родства, и потом уже осмеливаться на произнесение такового слова.

Повелевший сказать «Отец» не дозволил говорить ложь. Поэтому, кто жил достойно божеского благородства, тот прекрасно возводит взор к небесному граду, небесного Царя именуя Отцом и небесное блаженство – отечеством.

Краткость жизни и строгость суда

Жизнь наша преходяща... время текуче, непостоянно и неудержимо, как какой-нибудь речной поток, который все, что ни попадет в него, несет к конечной гибели. И, о если бы, будучи краткой и скоропреходящей, жизнь была безотчетна! Но в том состоит ежечасная опасность, что не только за дела, но и за слова, произнесенные нами, должны мы дать ответ пред неподкупным судилищем. Поэтому и блаженный псалмопевец, имея в мысли подобное сказанному нами ныне, желает узнать срок своей кончины, и умоляет Бога сказать ему число остающихся дней, чтобы приготовиться к обстоятельствам исхода, и не смутиться вдруг, как неготовый путник, который во время самого путешествия ищет необходимых для пути запасов. Он говорит: скажи ми Господи кончину мою и число дней моих кое *есть*, да *разумею что* *лишаюся аз*. *Се пяди... еси дни моя, и составе мой яко ничтоже пред Тобою* (Пс. 38, 5–6).

Кто увидит Бога

Все вы, о человеки, в ком только есть какое-либо вождение воззреть на истинно благое, когда слышите, что Божие велелепие превышает небес и слава Божия неизъяснима, и лепота неизглаголанна, и естество невместимо, не впадайте в безнадежность, будто бы невозможно увидеть желаемое. Ибо в тебе вместимая для тебя мера постижения Бога, Который так тебя создал, немедленно осуществив в естестве таковое благо; потому что в составе твоём отпечатлел подобия благ собственного Своего естества, как будто на каком воске напечатлел резные изображения. Но порок, смыв боговидные черты, бесполезным сделал благо, закрытое гнусными покровами. Посему, если рачительною жизнью опять смоешь нечистоту, налегшую на твоём сердце, то воссияет в тебе боговидная лепота. Как это бывает с железом, когда точильным камнем сведена с него ржавчина; недавно быв черным, при солнце мечет оно от себя какие-то лучи и издает блеск, так и внутренний человек, которого Господь именует сердцем, когда очищена будет ржавчина нечистоты, появившаяся на его образе от дурной любви, снова воспримет на себя подобие первообраза и будет добрым; потому что подобное добру, без сомнения, добро. Поэтому, кто видит себя, тот в себе видит и вожделеваемое; и таким образом чистый сердцем делается блажен, потому что, смотря на собствен-

ную чистоту, в этом образе усматривает первообраз. Ибо как те, которые видят солнце в зеркале, хотя не устремляют взора на само небо, однако, усматривают солнце в сиянии зеркала не меньше тех, которые смотрят и на самый круг солнца; так и вы, говорит Господь, хотя не имеете сил усмотреть света, но, если возвратитесь к той благодати образа, какая сообщена была вам в начале, то в себе имеете искомое. Ибо чистота, бесстрастие, отчуждение от всякого зла есть Божество. Поэтому, если есть в тебе это, то, без сомнения, в тебе Бог, когда помысел твой чист от всякого порока, свободен от страстей и далек от всякого осквернения, ты блажен по своей острозрительности; потому что, очистившись, усмотрел незримое для не очистившихся, и отъяв вещественную мглу от душевных очей, в чистом небе сердца ясно видишь блаженное зрелище. Что же именно? Чистоту, святость, простоту и все подобные светоносные отблески Божия естества, в которых видим Бог... Если блаженны чистые сердцем, то конечно жалки оскверненные умом, потому что видят лицо противника. И если в жизни добродетельной напечатлеваются черты самого Божества, то явно, что жизнь порочная делается образом и лицом противника. Но если Бог, по различным примышлениям, именуется всем, что представляем себе добром, светом, жизнью, нетлением и что только есть подобного сему рода; то конечно, и наоборот всему этому противоположным именоваться будет изобретатель порока, и тьмою, и смертию, и тлением, и всем, что с этим однородно

и сродственно.

Любовь к Богу и миру

Тому, кто разумом своим обратился к этому миру и занимает себя тем, чтобы «угодить» людям (см. 1 Кор. 7, 33), невозможно быть исполнителем первой и великой заповеди Господней, которая повелевает любить Бога всем сердцем и всей силой (см. Втор. 6, 5; Мф. 22, 37). Ибо как может любить Бога «всем сердцем» и силой тот, кто разделил свое сердце между Богом и миром, похищая любовь, одному Богу принадлежащую, и растрчивает ее на человеческие страсти? Ибо *не оженившийся печется о Господних... а оженившийся печется о мирских* (1 Кор. 7, 32–33). Хотя и кажется трудной борьба против удовольствий, но не следует никому терять бодрости; ибо привычка имеет силу в случае постоянства доставлять некоторое удовольствие даже в делах, которые кажутся наиболее трудными, и притом удовольствие самое прекрасное и чистое, наслаждаться которым разумному существу пристало более, нежели, по мелочности увлекаться низким, удаляться от того, что поистине велико и *всяк ум превосходит* (Флп. 4, 7).

Милость к ближним

Невозможно иначе побудить к уврачеванию беды ближнего, как только если милость смягчит душу к принятию такого побуждения; так как милость познается из противоположного жестокости. Как жестокий и свирепый недоступен приближающимся, так сострадательный и милостивый приходит как бы в одно расположение с нуждающимся, для опечаленного делаясь тем, чего требует скорбный его ум; и милость, как протолкует иной, дав понятию сему определение, есть произвольная печаль, производимая чужими бедствиями. И если кто в точности исследует отличительное свойство милости, то найдет, что это усиление исполненного любви расположения, соединенное с ощущением печали.

Иметь общение в хорошем заботятся все одинаково, и враги, и друзья; но желать участвовать в прискорбном свойственно только обладаемым любовью. А из всех привязанностей в этой жизни могущественнейшею признается любовь, и милость есть усиление любви.

Мир создал Бог

Видя стройность Вселенной небесных и земных чудес, как стихии, по природе одна другой противоположные, по некоему неизреченному общению все соединяются к достижению одной и той же цели, и каждая привносит от себя силу к пребыванию целого, несоединимые и несообщимые между собою по особенности качества не разлучаются одно с другим, и не истребляется одно другим, взаимно срастворенное противоположными качествами – напротив того, стихии, естество которых стремится вверх, опускаются долу, солнечная теплота изливается в лучах, а тела тяжелые делаются легкими, будучи истончаемы испарениями, так что вода, вопреки своей природе, делается стремящейся вверх, когда при ветрах носится по воздуху, и эфирный огонь сближается с землей, так что и глубина получает свою долю теплоты, а изливающаяся в дождях на землю влага, будучи одна по природе, порождает тысячи разностей в растениях, сообразуясь со всяким свойством того, во что входит, также, видя самое быстрое вращение неба и обратное движение внутренних кругов, сближения, соединения и стройные разъединения звезд, видя это разумным оком души, не явно научается из видимого, что художественная и премудрая Божия сила, открывающаяся в существах и все проникающая, и части приводит в стройность с целым, а целое восполняет в частях,

и что Вселенная единой некоей силой содержится, сама в себе пребывая и около себя самой вращаясь, и движения никогда не прекращая, и из того места, в котором она, не переходя в какое-либо другое?

Мудрость жизни

Заповедь Господня столь светла, что просвещает очи (Пс. 18, 9) даже младенцев, как говорит Писание, утверждая, что *благо есть прилепиться единому Богу* (Пс. 72, 28); Бог же не есть ни печаль, ни удовольствие, ни трусость, или дерзость, или страх, или гнев, или иная какая-нибудь подобного рода страсть, которая господствует над невежественной душой, но, как говорит апостол, самосушая мудрость и освящение (см. 1 Кор. 1, 30), истина, и радость, и мир (см. Рим. 14, 17; Гал. 5, 22), и тому подобное. Итак, каким образом может прилепиться (см. 1 Кор. 6, 17) к имеющему такие совершенства тот, кто одержим (тем, что совершенствам) противоположно? Или разве не безрассудно, радея о том, чтобы не подчиниться одной какой-то страсти, полагать добродетель в противоположной? Например: избегая удовольствия, предаваться печали, уклоняясь дерзости и безрассудства, ослаблять дух трусостью или, стараясь быть недоступным гневу, впасть в боязливость? Ведь какая разница: отпасть от добродетели так или по-иному, или, точнее, отдалиться от Самого Бога, Который есть всецелая добродетель? И в телесных болезнях никто не скажет, что есть разница: от чрезмерного ли голода или от неумеренного пресыщения пришло в расстройство тело, потому что неумеренность в обоих случаях приводит к тому же концу. Итак, кто заботится о жизни и

здравии собственной души, будет держаться (золотой) середины бесстрастия, не склоняясь и не приобщаясь ни к одной из противоположных крайностей, лежащих по ту и другую сторону добродетели. Не мои это слова, но от самого божественного гласа, ибо это правило ясно следует из учения Господа, когда Он учеников Своих, вращающихся в этом мире, как «агнцы посреди волков», учит быть не «голубями» только, но иметь в своих нравах некоторые свойства «змия» (см. Лк. 10, 3; Мф. 10, 16). Это значит, чтобы они ни считающейся похвальной у людей простоты не простирали до (последнего) предела, потому что такое свойство недалеко от крайнего скудоумия; ни восхваляемых многими изворотливости и хитроумия, самих по себе, без примеси противоположных качеств, не почитали за добродетель, но чтобы из видимых противоположностей составили один смешанный образ действия, отсеки от одной скудоумие, а от другой – изощренности в коварстве, так чтобы из обеих противоположностей образовался один прекрасный образ поведения, состоящий из простоты души и изощренности ума: ибо *будите*, – говорит, – *мудри яко змия, и цели яко голубие* (Мф. 10, 16).

Надежда

Одним неверным свойственно ограничивать надежды жизни одною настоящею жизнью; потому они и считают до-стопачевной смерть, что для них нет надежды на то, чему веруем мы. Мы же, веруя великому Споручнику вокресения из мертвых, Самому Владыке всей твари, Который и умер и воскрес для того, чтобы делом удостоверить слово о воскресе-нии, возымеем несомненную надежду благ, при существо-вании которой не будет иметь места печаль об усопших.

Награда миротворцу

Награждающий тебя, если предотвратил ты бедствие войны, два дарует тебе вместе дара; одним даром служит награда, а другим даром сам подвиг; потому что, если бы за таковое дело и ничего не предстояло в уповании, то мир сам по себе для имеющих ум дороже всякого о нем рачения. Поэтому преизбыток Божия человеколюбия можно познавать в этом, что благими воздаяниями награждает не за труды и поты, но за удовольствия, можно сказать, и радости; так как из всего, что веселит, главное есть мир, который каждому желательно иметь в такой мере, чтобы не только самому пользоваться, но, по великому обилию оно́го, уделять и не имеющим. Ибо сказано: *блажени миротворцы* (Мф. 5, 9), а миротворец тот, кто дает мир другим.

Надо всегда молиться

Надлежит нам тому сперва научиться в этом слове, что должно всегда молиться и не унывать (см. Лк. 18, 1). Ибо следствие молитвы то, что бываем мы с Богом: а кто с Богом, тот далек от сопротивника. Молитва есть охранная стража целомудрия, доброе направление раздражительности, обуздание кичливости, очистительное средство от памятозлобия, истребление зависти, уничтожение неправды, исправление нечестия. Молитва есть крепость телу, обилие в дому, благоустройство в городе, могущество царства, победный памятник на брани, безопасность во время мира, собрание разъединенных, постоянная совокупность соединившихся. Молитва есть печать девства, верность супружества, оружие путешественникам, страж спящим, смелость бодрствующим, плодоносие земледельцам, спасение плавающим. Молитва – защитник подсудимым, освобождение узников, успокоение утружденных, ободрение скорбящих, удовлетворение радующихся, утешение плачущих, венец вступающих в супружество, торжество в день рождения, погребальная пелена умирающим. Молитва – собеседование с Богом, созерцание невидимого, несомненная уверенность в вождеlevаемом, равночестие с Ангелами, преспеяние в добре, низложение зла, исправление согрешающих, наслаждение настоящим, осуществление будущего. Молитва Ионе кита сдела-

ла жилищем, Езекию из врат смерти возвратила к жизни, а трем отрокам пламень обратила в дух росный (см. Дан. 3, 50), израильтянам воздвигла памятник победы над Амалитянами, 185 тысяч ассириян поразила в одну ночь невидимым мечом; и кроме этого можно найти в том, что было уже прежде, тысячи примеров, из которых делается явным, что из всего ценимого в жизни ничто не выше молитвы.

Наше спасение во Христе

Если спасительное облачение одно, и это есть Христос, то никто не скажет, что новый человек, созданный по Богу, есть кто другой, кроме Христа; напротив того, явно, что облекшийся во Христа облекся в нового человека, созданного по Богу. Ибо тот един в собственном смысле именуется человеком новым, кто явился в человеческой жизни не известными и обычными путями естества. Напротив того, в нем одном обновлено какое-то отличное и особенное создание. Поэтому-то апостол одного и того же, имея в виду необычность рождения, именует новым человеком, созданным по Богу, а взирая на Божеское естество, сотворенное в творении этого нового человека, называет его Христом, так что одному и тому же приданы два наименования, разумею наименование Христа и наименование нового человека, созданного по Богу.

Не привязывайся к земному

Все что ныне усматриваем в телесной жизни, – смерть, и старость, и юность и образование в утробе, все это как бы некоторые злаки и ости и стебли, есть путь и последование и сила чаемого совершенства. Имея в виду сие совершенство, ты, если благоразумен, не будешь ни питать вражды к жизни, ни страстной любви и привязанности к ней, так что не станешь ни печалиться, лишаясь ее, но самовольно спешить к смерти.

Необходимое и излишнее

Как тело сотворено нагим и лишенным покрова волос, то мы имеем нужду в наружном одеянии. Также, не будучи в состоянии выносить жара, холода и дождя, мы ищем крова домов. Кто разумно смотрит на эти и подобные потребности, тот спокойно принимает каждую из них, целью стремлений поставляя необходимое: дом, одежду, супругу, пищу, – всем этим удовлетворяя нуждам природы.

А раб удовольствий необходимые потребности делает путями страстей; вместо пищи ищет наслаждений чрева; одежде предпочитает украшения; полезному устройству жилищ – их многоценность; вместо чадорождения обращает взор к незаконным и запрещенным удовольствиям. Поэтому-то широкими вратами вошли в человеческую жизнь и любостязание и изнеженность и гордость и суетность и разного рода распутство. Все это и подобное, как бы какие ненужные отпрыски и ветви, приросло к необходимым потребностям, потому что естественное стремление перешло границы нужды и приняло широкие размеры у тех, кои заботятся о том, что ни к чему не полезно. Ибо что общего имеет с пользою доставляемую пищей чеканная серебряная посуда, расцвеченная золотом и камнями? Или какая нужда для одеяния в тканье золотом и в яркоцветной пурпуровой ткани, и в живописи ткачей, посредством которой эти художники изобра-

жают на хитонах и одеждах и битвы и зверей и тому подобное? Сотоварищем роскоши явилась болезнь любостяжания; ибо чтобы иметь для нее готовые средства и возможность, материал для приобретения желаемого получают от любостяжания. А любостяжание открыло путь неверности; оно, по слову Соломона, есть сокрушенный сосуд (см. Притч. 23, 27), который, сколько бы его ни наполняли водой, постоянно оказывается пустым. Таким образом, не тело производит стремление к злу, но свободная воля, которая целесообразную потребность извращает в вожделение того, что не дозволено.

Необходимость несения креста

В качестве дорожной суммы [пустившимся в] жизненное путешествие дается крест Христов. Неся его с радостью и надеждой на лучшее, они должны следовать за Спасителем Богом, сделав Его домостроительство законом и путем жизни, как говорит тот же апостол: *Подражатели мне бывайте, якоже и аз Христу* (1 Кор. 11, 1), и еще: *терпением да течем на предлежащий нам подвиг, взирающе на Начальника веры и Совершителя Иисуса* (Евр. 12, 1–2), Который вместо предназначенной Ему радости претерпел крест и, презрев позор, воссел одесную престола Божия (Евр. 5, 3). Ибо опасно прежде достижения чаемой цели, дарованиями Духа превознесшись, какие-либо заслуги добродетели сделать поводом к самомнению и гордости и выбиться из колеи, самоуверенностью сведя на нет проделанный ранее труд и оказавшись недостойными того совершенства, к которому влекла нас благодать Духа.

Непостижимость Бога

Дознав от Павла, смело утверждаем, что не только суды Божии выше силы покушающихся исследовать их, но и пути ведения донныне остаются неположенными и непроходимыми. Ибо это, как думаем, намереваясь означить, апостол сказал, что не исследованы пути, ведущие к Непостижимому, показывая этим выражением, что это ведение недоступно человеческим помыслам, и никто еще не направлял своего разумения к таковому разумному шествию и не показывал какого-либо следа и признака, что постижением своим приступил он к непостижимому.

Нет предела совершенству

Для того, кто действительно восстал, никогда не прекратится нужда восставать непрестанно, и для поспешающего ко Господу не истощится путь к продолжению божественного течения. Всегда надлежит восставать, и приближающимся даже к цели в течении своем никогда не успокаиваться. Сколько раз повторяет Жених: восстань и приди, столько же раз дает силу на восхождение к большему совершенству.

Новая тварь

Знаем двоякое творение естества нашего: первое, которым созданы, и второе, которым воссозданы. Но во втором творении не было бы для нас потребности, если бы первого не обратили ни во что преслушанием. Итак, поскольку первая тварь обветшала и уничтожена, должна произойти во Христе *нова тварь*, как говорит апостол (2 Кор. 5, 17). Ничего обветшавшего не желает он видеть во второй твари, говоря: *совлекшися ветхаго человека с деяньми его* (Кол. 3, 9) и похотями его (см. Еф. 4, 22), *и облещися в новаго человека, созданого по Богу* (Еф. 4, 24). И *аще кто во Христе*, говорит апостол, *нова тварь*: древняя мимоидоша, се быша вся нова (2 Кор. 5, 17). Ибо один и Тот же Творец естества человеческого и вначале, и впоследствии. Тогда, взяв персть от земли, сотворил человека и опять, взяв персть от Девы, не просто сотворил человека, но создал на Себе. Тогда сотворил, а после этого сотворен; тогда Слово сделало плоть, а после Слово стало плотью, чтобы претворить в дух нашу плоть, сообщившись с нами плотью и кровью. По этой-то новой во Христе твари, в которой Сам предшествовал, наименован перво-родным, стал началом всех: и рождаемых в жизнь, и мертвых, оживотворяемых воскресением, чтобы господствовать над мертвыми и живыми, и началом в Себе соосвятить все смешение.

О Боге-Троице

Слово здоровой веры для тех, которые благомысленно принимают богодухновенные глаголы, имеет силу в простоте и для подтверждения истины не требует никакой словесной мудрости; так как оно само по себе удобопонятно и ясно по первому преданию, которое мы приняли от слова Господа, предавшего таинство спасения в бане пакибытия. *Шедше убо*, – говорит Он, – *научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа*, учаще их блюсти вся, елика заповедах вам (Мф. 28, 19–20). Разделяя христианскую жизнь на две части – на нравственную и на точное соблюдение догматов, спасительное учение Он утвердил установлением крещения, а к усовершенствованию жизни указал путь в исполнении Его заповедей. Но та часть, которая относится до заповедей, так как с этой стороны менее может произойти вреда для души, оставлена дьяволом неприкосновенною. Вся же забота противника устремлена более на главную и важнейшую часть, чтобы так совратить души многих, чтобы не было никакой для них пользы, если бы даже они и достигли некоторого совершенства через соблюдение заповедей, т. к. для тех, которые вовлечены в заблуждение относительно догматов, не остается уже этой великой и первой надежды (спасения). Поэтому мы заботящимся о своем спасении советуем, чтобы они не отступали от простоты первых речений веры,

но, принимая в душе Отца и Сына и Духа Святого, не думали бы, что это есть одна многоименная Ипостась. Ибо невозможно, чтобы Отец назывался Отцом Самого Себя, неистинно было бы для Отца название Сына, происшедшего от Него. Равным образом невозможно думать, что и Дух есть одно и то же, что и другие упомянутые Лица, так что название Дух будто наводит слышащего оное на понятие об Отце или Сыне. Но в каждом из имен собственно и отдельно подразумевается означаемая названиями Ипостась. Услышав об Отце, мы подразумеваем причину всего; узнав о Сыне, познаем силу, воссиявшую из первой причины для устройства вселенной; узнав о Духе, уразумеваем совершительную силу того, что приведено в бытие творением от Отца через Сына. Итак, Ипостаси, сообразно сказанному, неслиянно отделены одна от другой, разумею Ипостаси Отца и Сына и Святого Духа, а существо Их, каково оно ни есть (ибо оно не вырази́мо словом и не постижимо мыслью), не разделяется в какую-либо инаковость природы. Поэтому-то непостижимость, недомыслимость, необъемлемость мыслью равно приличествует каждому из Лиц, почитаемых в Троице. Следовательно, тот, у кого спросят, что по сущности есть Отец, рассудительно и истинно скажет, что этот вопрос выше познания. Точно так же и касательно Единородного Сына согласится, что никаким словом невозможно объять Его сущность, ибо сказано: *род же Его кто исповестъ* (Ис. 53, 8). Подобным образом и относительно Духа Святого слово Господне показывает та-

кую же невозможность постижения, говоря: *глас Его слышиши, но не веши, откуда приходит, и камо идет* (Ин. 3, 8). Итак, поскольку мы не признаем никакого различия в непостижимости трех Лиц (потому что одно Лицо не есть более непостижимо, а другое менее, но одно и то же понятие непостижимости в Троице), то руководимые самою непостижимостью и неуразумеваемостью, говорим, что не находим никакого различия сущности в Святой Троице, кроме порядка Лиц и исповедания Ипостасей. Порядок Лиц, по которому вера, начинаясь в Отце, через посредство Сына оканчивается в Духе Святом, нам предан в Евангелии. А различие Лиц, открывающееся в самом порядке отдельности их в преданном учении, не внушает никакой мысли о слиянии их для тех, которые могут следить за значением слов, так как название Отца показывает особенность понятия (об Отце), а название Сына и Святого Духа также особое понятие, так что (Лица), обозначаемые именами, никаким образом не сливаются одно с другим.

О Боговоплощении

Се Бог наш, се Господь явился нам, чтобы составить для нас праздник сей во учащающих до рог олтаревых (Пс. 117, 27). Так, братия, мы не можем не видеть здесь таинства, ибо вся тварь есть единый чертог Господа твари. Когда грех вторгся в мир и запечатлелись уста людей, заразившихся неправдою, когда умолк голос веселия и расстроилось согласие ликующих, т. к. род человеческий не мог уже торжествовать вместе с миром небесным, тогда явились трубы пророков и апостолов, кои закон называет рогами, потому что они устроены были истинным Единорогом. Эти трубы силой Духа громко возвещали слова истины, чтобы возбудить слух людей, заглушенный грехом, и составить одно согласное торжество, в котором бы и земная тварь, через новое скиноположение, могла участвовать вместе с бесплотными и бессмертными силами, окружающими небесный жертвенник. Ибо рога мысленного жертвенника суть превыспренние и превосходные умные силы, начала, власти, престолы, господства, к которым, чрез восстановление скиноположения, присоединяется для участия в торжестве и человеческая природа, учащаемая обновлением плоти; а учащение, по изъяснению знающих значение слов, означает тоже, что и украшение чем-либо, или облечение во что-либо. Итак, придите, настроим души наши к духовному веселию, поставив

Давида начальником, предначинателем и главой ликования нашего. Воскликнем с ним сладкую песнь, которую мы недавно воспели, и повторим ее снова. Ибо *сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в онь* (Пс. 117, 24).

О бодрствовании

Лукавый всеми способами старается изгнать из наших душ страх Господень и разрушить любовь к Нему, орудия при помощи недозволенных удовольствий и соблазнительной наживки, чтобы, захватив душу совлекая [с себя] духовную броню и незащищенной, погубить наши труды и подменить небесную славу – земной, а истинные блага – теми, какие представляются воображению обольщаемых. Он ведь ловко умеет, если найдет стражей беспечными, улучшить время, вторгнуться в труды добродетели и всеять в пшеницу свои плевелы: я имею в виду злословие, и гордость, и тщеславие, и желание почести, и раздор, и прочие порождения зла. Итак, нужно бодрствовать и отовсюду наблюдать за врагом, чтобы, если он по своему бесстыдству и устроит какой-либо ков, сокрушить его, прежде чем он коснется души.

О будущем суде и жизни

Не одинаковое состояние ожидает в будущей жизни всех восставших из праха земного, но пойдут, говорит Писание, *сотворишии благая в воскресение живота, а сотворишии злая в воскресение суда* (Ин. 5, 29). Таким образом, чья жизнь ведет к оному страшному осуждению, тот, хотя бы ему и случилось быть причисленным через рождение свыше к братьям Господа, ложно носит это имя, через отображение в себе зла отрицаясь родства с Первороденным. Ибо *Посредник между Богом и людьми* (1 Тим. 2, 5), Собой соединивший человечество с Богом, только то соединяет, что достойно соединения с Богом. Подобно тому, как Он в Себе силой Божества соединил с Собой человека, хотя и принадлежащего как часть к естеству общему всем, но не подпавшего свойственным естеству страстям, влекущим ко греху (ибо «греха», говорит Писание, *не сотвори, ниже обретеса леств во устех Его* (1 Пет. 2, 22)), точно так приведет Он в единение с Божеством и каждого, кто только не привнесет ничего недостойного соприродности с Божеством. Но если кто будет истинно храмом Божиим (1 Кор. 3, 16), в котором нет никакого идола и изваяния порока, тот будет принят Посредником в общение с Божеством, будучи чистым для восприятия Его чистоты. Ибо *ни в злохудожную душу не внидет премудрость*, как говорит слово Божие (Прем. 1, 4), ни чистый сердцем не

увидит в себе чего-либо иного, кроме Бога (см. Мф. 5, 8). Он, прилепившись к Богу нетлением, воспринял внутрь себя все благое царство.

О важности мира в душе

Если имеем Христа, Который есть мир, то и мы будем умерщвлять в себе вражду, чтобы то, что, как веруем, пребывает в Нем, хранить и в своей жизни. Ибо как Он, *разорив средостение ограды*, обоя создал собою во единого нового человека, *творя мир* (Еф. 2, 14–15), так и мы будем примирять с собой не только внешних врагов наших, но и тех, которые восстают в нас самих, так чтобы плоть уже не желала противного духу, а дух – противного плоти, но чтобы, подчинив плотяный образ мыслей божественному закону, мы имели мир сами с собой, восстановив себя «во единого нового» и мирного «человека» (Еф. 2, 15) и из двух став единым. Ибо «мир» можно определить как «согласие враждующих». Итак, когда уничтожится междоусобная брань в нашем естестве, тогда мы, примирившись с собой, станем «миром» и покажем, что истинно и действительно носим на себе сие имя Христово.

О воскресении

Мы родились сынами человеческими, ныне – чадами Божиими. Тогда мы ниспали с неба на землю, ныне Небесный сделал и нас небесными. Тогда через грех воцарилась смерть, ныне жизнь опять получила владычество чрез правду. Тогда один отверз вход смерти, и ныне Единым же вводится снова жизнь. Тогда через смерть мы отпали от жизни, ныне жизнью упраздняется смерть. Тогда от стыда сокрылись под смоковницей, ныне со славой приблизились к древу жизни. Тогда за преслушание изгнаны были из рая, ныне за веру вводимся в рай. Опять предложен нам плод жизни в наслаждение, по желанию нашему. Опять райский источник, разделенный на четыре начала Евангельскими потоками, напаяет все поле Церкви, и бразды, проведенные Сеятелем слова в душах наших ралом учения, упитываясь оными, дают обильную жатву добродетелей. Что же после сего нам должно делать? – Что другое, как не взыграть подобно горам и холмам, коим возвещал пророк, говоря: *Горы, взызграстесь, яко овни, и холми, яко агнцы овчии* (Пс. 113, 6)?

О грехопадении в раю и спасении

Духовное в человечестве было некогда здорово, потому что некие стихии, разумею душевные движения, растворены в нас были равномерно по закону добродетели. Когда же усилилась способность вожделевательная, расположение, представляемое ей противоположным, а это есть воздержание, стало преобладаемо избыточествующим; и не было уже ничего препятствующего неумеренному движению вожделевания, к чему не должно; тогда в человеческом естестве произошла от этого смертельная болезнь – грех. Поэтому истинный Врач душевных страданий, ради одержимых болезнью вступив в жизнь человеческую, молитвенными речениями ослабляя болезнетворную причину, возводит нас в духовное здравие. Здравием же для души служит исполнение божественной воли, равно как и наоборот, отпадение от благой воли есть болезнь души, оканчивающаяся смертью. Поэтому, так как сделались мы немощными, когда в раю, оставив добрый образ жизни, без меры вкусили яда преслушания, и потому природою нашею возобладала жестокая и смертельная болезнь, то пришел истинный Врач, по закону врачебного искусства исцеляющий зло противоположным ему, и одержимых недугом потому, что отступили от Божией воли, освобождает опять от болезни единением с Божией волей.

О добродетелях

Если нужно по отдельности определить словесно, какими средствами мы должны воспроизводить Образ, то первая краска – смиренномудрие; ибо *научитесь*, – говорит, – *от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем* (Мф. 11, 29). Вторая краска – долготерпение, в некоторой степени и она в образе невидимого Бога видится. Нож и древо [крестное], узы и бичевание, ланит заушение и лица оплевание, спина, ударам предаваемая, суд нечестивый, приговор неумолимый, войны, приговор мрачный торжествующие, оскорбляя, насмехаясь и издеваясь, и тростью [Его] ударяя; гвозди, желчь и оцет и все тяжкие [страдания], без вины Ему причиняемые или, лучше [сказать], за многоразличные благодеяния воздаваемые. Какое же творящим [все] это отмщение? *Отче, отпусти им: не ведают бо что творят* (Лк. 23, 34)! Неужто невозможно было Ему само небо на них низринуть, или в бездну земли разверзшейся оскорбителей низвергнуть, или море из пределов его изринуть и пучиною землю потопить, или содомский огненный дождь на них наслать, или иное что жестокое совершить Своим повелением? Но все это кротко и долготерпеливо перенес Тот, Кто Своим примером [и] для твоей жизни законом сделал долготерпение. Так и все прочее можно видеть в первообразном образе Бога, на Него же взирая и по Нему явственно свой образ украшая, [человек]

и сам делается Бога невидимого образом, при помощи терпения живописуемым.

О кротости

Тщеславиться богатством, или величаться родом, или мечтать о славе, или мысленно присваивать себе верх над ближним, чем и ограничиваются человеческие почести, все это служит душе в посрамление и укоризну, так что человек рассудительный не согласится чем-либо подобным этому осквернить чистоту души. Вести же себя так – не иное что значит, как глубоко укорениться в смиренномудрии, по преуспевании в котором раздражение даже не будет иметь и входа в душу. А когда нет раздражения, преспевает *тихое и безмолвное житие* (1 Тим. 2, 2); оно же не иное что есть, как кротость, которой конец блаженство и наследие небесной земли о Христе Иисусе Господе нашем.

О любви

Надлежит знать чин любви, предписываемый законом, — как надобно любить Бога, как ближнего, и жену, и врага, чтобы исполнение любви не сделалось каким-то беспорядочным и превратным.

Ибо Бога любить должно всем сердцем, всею душою и силою, и всем чувством, а ближнего, как себя самого, и жену тому, у кого чистая душа, как Христос любит Церковь, а тому, кто более страстен, как свое тело; так повелевает установитель порядка во всем подобном, Павел (см. Еф. 5, 25, 28); и врага любить должно так, чтобы не воздавать злом за зло, но благодеянием вознаграждать за обиду... Любовь есть Бог. Он пускает в спасаемых избранную стрелу Свою, Единородного Сына, Духом жизни помазав тройное жало острия. Острие же есть вера, чтобы, в ком будет она, вместе со стрелою введен был и Устреливший, как говорит Господь: *Аз и Отец едино есма* (Ин. 10, 30); и: *приидем и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 23). Поэтому душа, возвысившаяся божественными восхождениями, видит в себе сладкую стрелу любви, которою уязвлена, и уязвление обращает себе в похвалу, говоря: уязвлен я любовью. Какая прекрасная язва! Какое сладостное поражение, с которым во внутренность проникает жизнь там, где пронзила стрела, отверзшая себе как бы некую дверь и вход! Ибо вместе и приняла в себя

стрелу любви, и стрельба изменилась немедленно в брачное веселие.

О неразумных богачах

Кто богатство свое тщательно скрывал под печатями, запорами, за железными дверями, в безопасных тайных местах, и стекающееся у него вещество прятать и хранить у себя предпочитал всякой заповеди; того, если стремглав повлечется в темный огонь, все, в этой жизни испытывшие его жестокость и немилосердие, станут укорять, и скажут ему: *помяни, яко восприял еси благая твоя в животе твоём* (Лк. 16, 25); в твердых с богатством своим заключил ты милость, и на земле оставил милосердие; не принес в эту жизнь человеколюбия и не имеешь, чего не имел; не находишь, чего не полагал; не собираешь, чего не расточал; не пожинаешь, чего не сеял; жатва твоя достойна сеяния; сеял ты горечь, собирай ее рукояти; уважал ты жестокость, имей при себе, что любил; ни на кого не смотрел сострадательно, и на тебя никто не посмотрит с сожалением; презирал ты скорбящего, презрят и тебя гибнущего; бегал ты случаев оказать милость, и от тебя побежит милость; гнушался ты нищего, возгнушается и тобой, кто от тебя был в нищете.

О собранности

Представим, что вода, изливаясь из источника, случайно разделилась на различные потоки. Пока она течет таким образом, она не принесет никакой пользы для потребностей земледелия, потому что при разлитии воды на много потоков в каждом останется мало воды и она по слабости (напора) сделается стоячей и неподвижной. Если же кто все беспорядочно текущие потоки соединит и разливавшуюся доколе по многим местам воду направит в единое русло, тот может собранную и сосредоточенную воду употребить с великой для жизни пользой и выгодой. Так, мне кажется, и ум человеческий, если постоянно растекается и разбрасывается на то, что нравится чувствам, никогда не будет иметь достаточной силы к достижению истинного блага. Если же, отрешившись от всего и сосредоточившись в самом себе, он будет собранно и нерассеянно стремиться к свойственной ему по природе деятельности, то не будет для него никакого препятствия к тому, чтобы возноситься к горнему и достигать истины сущего. Ибо как вода, направленная по водоводу, встретив препятствие и не имея места, куда разлиться, от сильного напора поднимается вверх, и это бывает, несмотря на то что вода по природе имеет свойство стремиться вниз, так и ум человеческий, когда воздержание, как тесный водовод, со всех сторон будет сдерживать его, не имея места, куда

рассеяться, по самому свойству движения устремится вверх, возделая высших благ, ибо не может никогда остановиться тот, кто получил от Творца естество постоянно движущееся, и если употреблению этого движения на суетные предметы положена преграда, он, конечно, не может стремиться к чему-либо, кроме истины, будучи со всех сторон огражден от того, что ему не подобает. И как мы видим, что путешественники на перекрестках дорог, как правило, тогда не отклоняются от настоящего пути, когда, узнав наперед ненадежность других дорог, избегают их. Таким образом, чем более кто во время путешествия избегает неверных путей, тем вернее сохранит себя на истинном пути. Так и разум наш познает истину сущего только тогда, когда отвратится от суетных предметов. Таким образом, я думаю, что воспоминание о тех великих пророках учит нас тому, чтобы мы не привязывались ни к чему, что составляет предмет заботы в этом мире, — а к числу таких предметов относится и брак; лучше же сказать, он есть начало и корень суетных попечений.

Обман людей

Вот что обыкновенно делают игроки в мяч: расположившись треугольником, они перебрасывают друг другу мяч, ловко на лету перенимая его один от другого, а того, кто находится в середине, вводят в обман; притворным движением лица и каким-либо знаком руки тому, кто хочет поймать мяч, показывают вид, что хотят бросить его в правую или левую сторону, а на самом деле отбрасывают мяч в сторону, противоположную той, куда он устремится за ним, — и хитростью уничтожают его надежду. Точно также поступают и ныне многие из нас; не заботясь о деле, мы искусно ведем с людьми игру в мяч: вместо верных надежд, которые возбуждаем, коварством своих действий обманывая души тех, которые надеялись на нас.

Образ и Первообраз

Душа тогда с точностью усматривает себя, когда взирает на свой Первообраз. Что же есть Божество, которому уподобляется душа? Не тело, не очертание, не вид, не величина, не плотность, не тяжесть, не место, не время, ни другое что подобное сему, что составляет признак вещественной твари, но по отъятии всего этого и подобного остальное непременно должно разуметь как нечто разумное и невещественное, неосязаемое и бестелесное и непротяженное. Итак, если таковы, как мы понимаем, характеристические черты Первообраза, то конечно следует, что и душа, образованная по виду оного, должна носить те же характеристические признаки, так что и ей должно быть невещественной и безвидной и разумной и бестелесной. Теперь размыслим, когда более человеческое естество приближается к первообразной красоте, во время ли плотской жизни или когда становится вне ее. Но каждому ясно, что как плоть, будучи вещественной, имеет сродство с этой вещественной жизнью, так и душа, тогда становится причастной разумной и невещественной жизни, когда отбросит обдержажее ее вещество. Итак, какое же из этих состояний заслуживает названия несчастий? Если бы тело было истинным благом, то нам следовало бы печалиться при отрешении от плоти, так как при удалении нашем из нее вместе с телом мы конечно лишались бы и сродства с бла-

гом. Поскольку же превышающее всякое, какое ни помыслим, Благо, по образу Которого мы созданы, разумно и бес-телесно, то следует нам быть уверенными, что когда через смерть переходим к бесплотности, то приближаемся к тому естеству, которое чуждо всякой телесной грубости, и, сняв с себя плотную оболочку, как бы какую гнусную личину, возвращаемся к сродной нам красоте, по которой были образованы от начала, будучи созданы по образу Первообраза.

Обращение от зла к добру

Для приступающего по обращении снова к добру, если жизнь его была изъязвлена тысячами прегрешений, скопление злых дел кажется подобным тысяче лет; но как скоро он обратился, Бог ни во что ему не вменяет сего; потому что Божие око взирает всегда на настоящее, не вменяет же прошедшего; напротив того, признается это у Бога за один день или за часть ночи, которые прошли и миновались. Порочный же поступок в настоящем, хотя согрешающими ставится он в ничто, перед очами Божиими то же, что множество лет.

Опасность для грешников

Притом что Господь единожды взял грех мира и воспринял на главу венец из терний, чтобы сделать его венцом, сплетенным из чести и славы, – немалая опасность для того, кто по худой жизни будет признан «волчком» и «тернием» (см. Быт. 3, 18; Ос. 10, 8; Евр. 6, 8), в средину венца Владыки вставленным, по причине общности с Ним по телу. Тот, конечно, услышит справедливый глас: *како вшел еси се-мо не имый одеяния брачна?* (Мф. 22, 12). Как, будучи тернием, вплелся ты в среду тех, кто из «славы и чести» сплетают Мой венец? *Кое согласие Христови с Велиаром? Кая часть верну с неверным? Кое общение свету ко тме?* (2 Кор. 6, 14–16).

Отличительные свойства лукавого нрава

Это – зависть, ненависть, клевета, кичливость, любостыжательность, страстное пожелание, недуг славобесия: этим и подобными этому чертами отличается образ противника.

Очищение души

Как для глаз телесных, когда какое-нибудь острое гноетечение повредит зрительные нервы, бывает приятен мрак, по причине сродства густоты (гноя) с мраком, а если от лечения исчезнет то, что затрудняло зрение, то свет опять становится сродным и приятным, смешиваясь с чистотою и световидностью зрачка; таким же образом, поскольку чрез обольщение противником зрение души затекло злом, как бы каким гноем, разум добровольно получил склонность к темной жизни, чрез страсти сроднившись с мраком. *Всяк бо делаяй злая ненавидит света*, говорит слово Божие (Ин. 3, 20). Когда же зло исчезнет из области сущего и опять приведется в не сущее, естество наше снова с удовольствием будет взирать на свет, по устранении того, что застилало гноем чистоту души.

Плач и моление ко Христу

* * *

Увы мне! Спешу к небу, к Божией обители; но меня держит эта плоть: нет мне выхода из многоскитальческой жизни, из ненавистного греха, который привязал меня к дольнему, отовсюду оглушая внезапными заботами, поедающими красоту и дарования души. Но Ты, Царь, разреши, разреши меня от земных уз и вчини в небесное ликостояние!

* * *

Мать моя, для чего ты родила меня, когда родила на труды? Для чего извела в эту жизнь, усеянную терниями? Если сама ты жила беспечно, как бесплотная; то это – великое чудо. А если и ты страдала; то не из любви ко мне родила меня. Всякий идет своею стезею жизни: иной – земледелец, а другой – мореплаватель; иной – какой-нибудь зверолов, а другой вооружил руку копьем; иной – искусный певец, другой – победитель на поприще. Но мой жребий – Бог; мой удел – терпеть множество скорбей, изнемогать здесь от мучительной болезни. Терзай, терзай меня, злодей, до времени! Ско-

ро с радостью оставляю тебя, а с тобой и все тяжкие бедствия.

Мать моя, для чего ты родила меня, когда не могу ни мыслию постигнуть, ни изречь Бога, сколько желаю? Осияло, правда, очи ума моего малое какое-то озарение пренебесной, равнoсветлой Троицы; но большая часть (к скорби моей) ускользнула от меня, пролетев быстро, как молния, прежде, нежели насытился я светом. А если бы здесь мог я постигнуть Тебя, возлюбленная Троица; то не стал бы жаловаться на родившую меня утробу матери: это значило бы, что я родился в добрый час. Но спаси, спаси меня, Божие Слово; и извлеки из горькой тины, веди в иную жизнь, где чистый ум, не покрываемый более премрачным облаком, ликует перед Тобой, о Пресветлый!

* * *

О, я несчастный! Что будет со мной? Могу ли как избежать пороков, укpыв жизнь в глубинах или в облаках? Говорят, что есть страна, где нет ни зверей, ни болезней; о, если бы нашлось где место, свободное от греха, чтобы мне туда убежать! На сушу укрылся иной от тревожного моря, другой спасся под щитом от копья и под крышею дома – от хладного снега. А грех всесторонен – обширное и неизбежное царство. Илия на огненной колеснице взoшел на небо. Моисей избежал некогда определения детоубийцы-мучителя. Невинный Иона спасся от безвестной смерти в китовом

чреве. Даниил избавлен от зверей, а отроки – от пламени. Но мне как избыть от греха? Ты спаси меня, Царь мой Христос!

* * *

Увы мне, Христос мой! Опять пришел ко мне змий. Увы мне! Пришел ко мне, весьма уstraшенному. Увы мне! Я вкусил с этого древа познания. Увы мне! Зависть уверила меня, что мне завидуют. Богом не стал я – и изринут из места наслаждения. Угаси несколько, о меч, палящий твой пламень и опять прими меня под сень райских дерев, как разбойника, который взoшел туда со Христом с крестного древа!

* * *

Увы! Тесно мне в этом мире; знаю, что большая часть жизни протекла, и от меня пахнет уже мертвецом; а пороки мои не хотят истребляться вместе с годами жизни. Или продли время мое, Дыхание человеков, или избавь меня от зол! Это – дело Твоей благодати. А если не угодно сие Тебе, то уже я мертв. Чего же еще больше? Разве ждет меня милосердный огонь?

* * *

Увы! Тесно мне и в жизни, и при конце жизни. Здесь грех, а там наказание. Стою в середине, боясь огненной реки.

Надеюсь больше на Тебя, Христос, нежели на здешние подвиги. Если бы у меня была возможность, хотя несколько, очиститься, это было бы всего лучше. Но если непрестанно умножается во мне зло, то пора разрешиться, пока не постигла меня худшая участь.

* * *

Какое это принуждение! Вступил я в жизнь? – прекрасно! Но для чего же обуреваюсь треволениями жизни? Скажу слово: оно смело, однако же скажу его. Если бы не твой был я, Христе, мне стало бы это обидой. Мы родимся на свет, утомляемся, насыщаемся, спим, бодрствуем, ходим и бываем больны и здоровы; есть у нас и удовольствия, и труды. Но временами года и солнцем наслаждается и все, что есть на земле. А умирают и сгнивают телом и скоты, которые, правда, презренны, но не подлежат и ответственности. В чем же мое преимущество? Ни в чем, кроме Бога; и если бы не Твой был я, Христе, мне стало бы это обидой.

* * *

Обманулся я, Христе мой, и, чрез меру понадеявшись на Тебя, занесся высоко – и очень глубоко ниспал. Но опять подними меня вверх; ибо сознаю, что сам себя ввел я в обман. А если опять превознесусь, то пусть опять паду, и падение мое да будет сокрушительно! Если Ты меня примешь, я спасен; а если нет, то я погиб. Но неужели для меня одного исчерпана Твоя благодать?

Плач о себе самом

* * *

Увы, увы! Какие страдания! В чем согрешил я? Или один касаюсь чистых жертв Твоих непригодно? Меня ли Ты, Очиститель, пережигашь страданиями или сокращаешь кичливость других, или для того обнажаешь меня, чтобы вывести в борьбу с противником? Все это распределяешь Сам Ты, Царь мой – Слово. Но я едва перевожу на земле последнее дыхание; выплакал все слезы; одно у меня занятие – плакать. Долго ли оставаться мне в руках нечестивых? Но ты, Блаженный, восставь меня; пусть я худ, однако священник; восставь, чтобы не соблазился кто-нибудь моими бедствиями! Утратилась моя похвала; да исчезнут и телесные скорби! Утрачена для меня Анастасия; да прекратится и грех! Увы! увы! слезы мои не пересыхают, сердце цепенеет в груди. Удержи, Царь, сугубую болезнь! Удержи болезнь – я погибаю. Ужели милосердие заключено для одного служителя Твоего Григория? Многими бедствиями и телесными скорбями сокрушен я. А у Тебя, Христе, есть благодать, у Тебя, Который пережигашь меня страданиями. Или останови бедствия и умились над рабом Твоим; или дай силу пе-

реносить все с твердым духом!

* * *

Христос, Свет человеков, Столп огненный душе Григориевой, блуждающей по пустыне горестной жизни, удержи зломысленного фараона и бесстыдных приставников; избавь меня от невяжущегося брения и от тяжкого Египта, смилив позорными казнями моих неприятелей, и даруй мне гладкий путь! Если же преследующий враг настигнет меня, рассеки для меня Чермное море, чтобы перейти мне по отвердевшим водам, поспешая в чудную землю, в мое достояние, как обещал Ты; останови широкие реки, отклони стремительное и стенящее копьё иноплеменников! Если же взойду в святую землю, буду славословить Тебя немолчными песнопениями.

Царь мой Христос, для чего Ты опутал меня этими сетями плоти? Для чего вверг в жизнь — в этот холодный и тенистый ров, если, как слышу, действительно я бог и Твое достояние? Утратилась во мне крепость членов, не слушаются колена; меня расслабило время, сокрушила болезнь, изнурили заботы и друзья, расположенные ко мне недружелюбно. А грехи не хотят покориться, но еще сильнее наступают на меня, и изнемогшего, как робкого зайца или серну, окружают эти псы, желая насытить свой голод. Или останови бедствия и умиლოსердись, или прими меня к Себе после долговременных подвигов и положи меру скорбям, или благое облако за-

бвения да покроет мои мысли!

* * *

Увы мне! Изнемог я, Христе мой, Дыхание человеков! Какая у меня брань с супружницей-плотью! Сколько от нее бурь! Как долга жизнь, как долговременно пресельничество! Сколько борений и внутри и совне, в которых может повредиться красота Божия образа! Какой дуб выдерживает такое насилие ветров? Какой корабль сражается со столькими волнами? Меня сокрушают труд и стечение дел. Не по своей охоте принял я на себя попечение о родительском доме. Но когда вступил в него, нашел расхищенным. Меня привели в изнеможение друзья, изнурила болезнь. Других встречают с цветами, а меня встретили камнями. У меня отняли народ, над которым поставил меня Дух. Одних чад я оставил, с другими разлучен, а иные не воздали мне чести. Подлинно, жалкий я отец! Те, которые со мной приносили жертвы, стали ко мне неприязненнее самих врагов: они не уважили таинственной Трапезы, не уважили (не говорю о чем другом) понесенных мною дотоле трудов (а их привыкли нередко уважать и порочные); они нимало не думают заглушить молву о нанесенных мне оскорблениях, но домогаются одного — моего бесславия.

* * *

Весьма много потерпел я бедствий и (что составляет верх бедствий) претерпел, от кого всего менее думал терпеть. Однако, я не потерпел ничего такого, что потерпят сделавшие мне зло. Мои страдания проходят, а их злые дела, сколько знаю, Правосудие записало в железные книги.

* * *

Друзья, сограждане, недруги, враги, начальники! Много испытал я от вас тяжких ударов. Знаю, вы скажете: нет. Но это записано в книгах; не утайтесь от меня.

* * *

Моими страданиями и скорбями да не утешается порочный, и да не смущает слабого ума добрый! Кто без болезней сделал хорошего лучшим? А страждущий знает, что она или врачевство для оскверненных, или борьба и слава для очищенных. Другому, Царь, дай славу без трудов; а для меня вожденно приобрести Тебя страданиями и скорбями.

Плод молитвы

Плод искренней молитвы: простота, любовь, смиренно-мудрие, терпение, незлобие и тому подобное; все это и прежде принесения вечных плодов здесь произращивает труд ревностного в молитве. Таковыми плодами украшается молитва; если их нет, то напрасен ее труд.

Плоды милости

Господь узаконяет людям быть милостивыми к низшим; ибо невозможно иначе побудить к уврачеванию беды ближнего, как только если милость смягчит душу к принятию такого побуждения, так как милость познается из противоположного жестокости. Как жестокий и свирепый недоступен приближающимся, так сострадательный и милостивый приходит как бы в одно расположение с нуждающимся, для опечаленного делаясь тем, чего требует скорбный его ум; и милость, как протолкует иной, дав понятию сему определение, есть произвольная печаль, производимая чужими бедствиями... Если, предположим так, во всех произойдет такое соотношение души с униженным, то не останется уже ни высшего, ни низшего, и жизнь не будет делиться по противоположности имен; не отяготит человека бедность, не унижить рабство, не опечалить бесчестие, потому что все у всех будет общее; и равенство прав, и свобода говорить водворятся в жизни человеческой, когда изобилующее добровольно сравняется с недостаточным. Если же будет сие, то не останется никакого предлога к вражде; бездейственна тогда зависть; мертва ненависть, чужеземцами сделаются тогда злопамятство, ложь, обман, война – все эти порождения похоти – иметь у себя больше. По истреблении же оно не сострадательного расположения, конечно, подобно какому-то

худому корню, исторгнуты будут и отпрыски порока, а по искоренении дел лукавых на место их выступит целый список всего доброго: мир, правда и весь ряд представляемого наилучшим. Посему что блаженнее этого, как вести жизнь, не запорам и засовам вверяя безопасность своей жизни, но безопасность эту находя друг в друге? Как жестокий и зверонравный неприязненными себе делает испытавших его свирепость, так напротив все делаются благорасположенными к милостивому, потому что милость в получивших ее естественно рождает любовь. Посему милость, как показало слово, есть мать благорасположения, залог любви, союз всякого дружественного расположения: и при сей надежной опоре можно ли примыслить что-либо более твердое для этой жизни? Потому слово справедливо ублажает милостивого.

Призвание христианина

Если кто принимает на себя имя Христово, но того, что умопредставляется с этим именем, не являет к жизни, — ложно носит это имя, он всего лишь бездушная личина с чертами человеческого образа, наложенными на обезьяну. Ибо как Христос не может быть Христом, если Он не есть правда, и чистота, и истина, и отчуждение от всякого зла, так не может быть и христианином (то есть истинным христианином) тот, кто не обнаруживает в себе ничего общего с этими именами. Итак, если бы нужно было кому-либо истолковать смысл слова «христианство», то мы бы сказали так: христианство есть подражание Божескому естеству. И пусть никто не порицает этого определения как чрезмерного и превышающего смирение нашего естества; определение это не выходит за пределы естества. Кто размыслит о первом состоянии человека, тот из Священного Писания найдет, что это определение не выходит из меры нашего естества. Ибо первое устройство человека было по подражанию подобию Божию (так Любоумудрствует о человеке Моисей: *сотвори Бог человека, по образу Божию сотвори его* (Быт. 1, 27)), а слово «христианство» означает возведение человека в древнее благополучие. Если же в древности человек был подобием Божиим, то, может быть, мы сделали не случайное определение, сказав, что христианство есть подражание Божескому

естеству.

Признаки ученика Христова

Три характерных принадлежности жизни христианина: действие, слово, образ мыслей. Из них главенствующая роль принадлежит образу мыслей, ибо мысль служит началом всякого слова. Второе место после образа мыслей занимает слово, выражающее мысль, звуком напечатленную в душе. Третье же место после ума и слова принадлежит деятельности, которая мыслимое переводит в действие. Итак, поскольку жизнь наша последовательно выражается в том или ином из них, то хорошо будет, если во всем: и в слове, и в деле, и в мысли — мы неукоснительно будем иметь в виду эти божественные понятия, под которыми разумеется и которыми именуется Господь, чтобы ничто в нас: ни дело, ни слово, ни образ мыслей — не было чуждо силы этих высоких имен. Ведь, как говорит Павел, все, *еже не от веры, грех есть* (Рим. 14, 23). Выводя отсюда следствие, можем прямо сказать, что всякое дело, слово, всякая мысль, не направленные ко Христу, непременно направлены к тому, что Христу противостоит. Ибо кто вне света и жизни, тот, конечно, во тьме и смерти. Все, что совершается, говорится и мыслится не по Христу, имеет сношение с тем, что противостоит благу. Что отсюда открывается очевидно для каждого: оставляет Христа тот, кто бывает вне Его — тем ли, что мыслит, тем ли, что делает, или тем, что говорит. Таким образом, истинно бо-

жественное слово пророка, которое гласит: *преступающим непицевах вся грешныя земли* (Пс. 118, 119). И как отрехшийся от Христа во время гонений есть преступник в отношении поклоняемого имени, так и тот, кто отречется от Истины, или Правды, или Освящения, или иного чего, мыслимого как добродетель, и в пору господства страстей отречется от [своей] жизни, тот, по слову пророка, именуется преступником, в каждом из преступлений этих изменяя своею жизнью Тому, Кто заключает в Себе все эти совершенства. Итак, что должно делать тому, кто удостоен именоваться великим именем Христовым? Что иное, как не тщательно различать в себе мысли, и слова, и дела, направлено ли каждое из них ко Христу или чуждо Христа? А различить очень легко. Ибо что совершается, или мыслится, или говорится под влиянием какой-либо страсти, то не имеет никакого согласия со Христом и носит на себе черты противостоящего, который страстями, словно грязью, пачкая жемчужину души, гасит блеск драгоценного камня. А то, что чисто от всякого страстного расположения, направлено к Началовождю бесстрастия, Который есть Христос. Кто черпает для себя мысли из Него, как из чистого и нетленного источника, у того окажется такое же сходство с Первообразом, как у воды, струящейся в источнике, с водою, которая оттуда налита в сосуд. Ибо одинакова по естеству чистота, усматривается ли она во Христе или в том, кто приобщается Ему. Христос источает, а приобщающийся черпает, претворяя в жизнь красоту, заключенную в

мыслях; так что происходит согласие внутреннего человека с внешним, коль скоро благовидность жизни совпадает с направлением мыслей по Христу.

Приманка зла

Ныне смешана несколько природа зла; внутри имеет пагубу, как скрытый некий обман, а по наружности показывает обольстительное некое представление добра. Сребролюбцам кажется прекрасною доброцветность вещества, но корень всем злым бывает сребролюбие (см. 1 Тим. 6, 10). Кто поползнулся бы в зловонную тину непотребства, если бы удовольствия не почитал чем-то прекрасным и желательным для себя, увлекаемый этой приманкой в страсть? Так и прочие грехи, имея в себе скрытую гибель, желательными кажутся на первый взгляд, по какому-то обольщению для неосмотрительных столько же привлекательными, как и дело доброе. Поскольку многие признают прекрасным то, что веселит чувства, и подобоименны как действительно прекрасное, так и кажущееся прекрасным; по этому самому и бывающее вожделение зла, как и добра, в Писании наименовано ведением добра и зла, и под ведением понимается какое-то сорасположение и примешение, т. е. не отрешенное зло (так как цвел красотою), но и не чистое добро (потому что скрывал в себе зло), но смесь того и другого – этот плод запрещенного древа, вкушение которого, по сказанному, ведет к смерти прикасающихся.

Просьба к Богу о благе

Естество человеческое, однажды приведенное в расслабление пороком, немощно для добра. Ибо человек не с тою же легкостью, с какою доходит до худого, возвращается от него опять к доброму; как подобный сему закон можем примечать и в телах, потому что неодинаково, не с равным удобством, здоровое тело делается больным и заболевшее выздоравливает. Пользовавшийся дотоле здоровьем часто от одной раны приходил в крайнюю опасность, и один оборот или припадок горячки истреблял всю силу в теле, малый прием яда или совершенно разрушал тело, или производил это постепенно, и за угрызением пресмыкающегося, или за ужалением одного из ядовитых животных, или за поползновением ноги, или падением, или за вкушением с жадностью чего-либо сверх силы, или за иным тому подобным мгновенно следовала или болезнь, или смерть; освобождение же от недуга, если когда и бывает, то при скольких достигается примышлениях, затруднениях и врачебных искусственных средствах? Поэтому, когда действует в нас стремление к злу, нет потребности в содействующем, потому что порок сам собою довершает себя в воле нашей. Если же возникает склонность к лучшему, то потребно, чтобы пожелание Бог привел в исполнение.

Радость благочестивых

Кто преуспел в чем-либо высоком, например: в целомудрии, или в скромности, или в благочестии пред Богом, или в другом каком из возвышенных и евангельских учений, тот при каждом преспеянии имеет не мимолетное и неустойчивое, но непоколебимое, во все продолжение жизни пребывающее и продолжающееся веселье. Почему? Потому что все это всегда можно приводить в действие, и во все продолжение жизни нет времени, приводящего в пресыщение и добрую деятельность. И целомудрие, и чистота, и непреткновенность во всяком добре, и необщительность со злом всегда приводятся в действие, пока имеет кто в виду добродетель, и деятельность сопровождается весельем.

Различие даров

Бог каждому в меру его разделяет дары Святого Духа, одному дает пророчество, по мере веры (см. Рим. 12, 6), а другому – другое какое-либо из действий, к какому каждый сроден и какую может принять благодать, или став оком тела Церкви, или будучи поставлен на место руки, или подпирая тело, как нога, так и в устройстве одра один делается столпом, другой восходом, иной же, как часть служащая для головы, наименован восклонением, а есть и такие, которые назначены внутрь. Для всего этого, по какому-то закону, примышляет Художник неоднородное вещество на убранство, но, хотя все украшается красотой, однако, для каждой из этих частей примышляется различная и соответственная краса. Почему столпы одра – серебро, а восходы их – багряница; восклонение же под головой, на которое Жених приклоняет главу Свою, – из золота, и вся внутренность испещрена драгоценными камнями. А потому под столпами разуместь должно столпов Церкви, у которых слово в точности серебро чистое и разжженное (см. Пс. 11, 7). Багряница же – это в высоком житии восшедшие на царство; потому что багряница почитается отличительным признаком царского достоинства, И владычественное его, на что Устроивший одр восклоняет главу Свою, – это золото чистых догматов. Все же невидимое и сокровенное украшается чистой совестью драгоцен-

ных камней, и из них всех составляется любовь от дочерей иерусалимских (см. Песн. 3, 10).

Райская красота

Для всех воссияет одна благодать, когда, став сынами света, *просветятся яко солнце* (Мф. 13, 43), по неложному слову Господа, что все достигнуто совершенства воедино, по обещанию Бога Слова, значит тоже самое, что во всех явится единая и та же самая благодать, так что каждый будет разделять с ближним одну и ту же радость. От сего каждый будет и сам радоваться, видя красоту другого, и сообщать свою радость; так как никакое зло не изменит облика души в безобразный вид.

Свобода воли

Чтобы и свобода осталась у нашего естества, и зло было уничтожено, мудрость Божия примыслила такое средство: попустить человеку остаться с тем, чего пожелал, чтобы вкусив зла, которого вожделем, и узнав опытом, что на что променял, снова добровольно сильным желанием востек к прежнему блаженству, отринув от своего естества все страстное и неразумное, как бы какое бремя, очистившись или в настоящей жизни молитвою и любомудрием, или после преставления отсюда печью очистительного огня. Как врач, при помощи науки, вполне сведущий в том, что полезно и вредно для здоровья, если советуя мальчику приличное (лекарство) не в состоянии предупредить, чтобы он, несовершенный по возрасту и разумению, не увлекся каким-либо вредоносным плодом или зеленью, то имея в готовности всякого рода противоядия, попускает дитяти вкусить того, что ему вредно, с тою целью, чтобы испытав боль, он узнал пользу отеческого совета, и чтобы возбудив в отроке сильное желание выздоровления, опять при помощи лекарств восстановить его здоровье, которого он лишился от неуместного влечения к вредоносному; так нежный и добрый Отец нашего естества, зная, что для нас спасительно, знал и то, что вредоносно человеку, и не советовал ему касаться последнего; когда же возобладало вожделение худшего, у Него не оказалось недо-

статка в хороших противоядиях, при помощи которых можно было опять возвратить человека к прежнему здравью. Ибо когда человек это вещественное удовольствие предпочел радости душевной, Бог, по-видимому, как бы содействовал ему в этом стремлении посредством кожаной одежды, которой облек его по причине склонения его к злу и с которой примешались человеку свойства неразумного естества. Мудростью Устраивающего лучшее, через то, что этому противоположно, уготована для разумного естества одежда из свойств неразумных животных. Кожаная одежда, нося в себе все свойства, которые соединены с неразумным естеством, — сластолюбие и гнев, и обжорство, и жадность и тому подобные, представляет человеческой свободе путь склоняться на ту или другую сторону, будучи веществом как для добродетели, так и для порока. Ибо человек в настоящей жизни движением свободной воли может избирать и то и другое, если отрешится от свойственного неразумному естеству и обратит взор на себя самого, через более достойную жизнь делает настоящую жизнь чистой от примешавшегося к ней зла, разумом одолевая неразумность; если же склонится к неразумному влечению страстей, употребив как содействие страстям кожу бессловесных, то иным способом после сего будет научен лучшему, когда по отшествии из тела различие добродетели от порока дознает он из невозможности быть причастником Божества, если только очищающий огонь не очистит примешавшейся душе скверны.

Святая Троица

Поскольку животворящая сила при возрождении от смерти к вечной жизни действует чрез Святую Троицу в удостоившихся с верой благодати, и равным образом несовершенна благодать, когда одно какое-либо из имен Святой Троицы опускается в спасительном крещении (ибо не без Духа в едином Сыне и Отце совершается таинство возрождения; ни без упоминования о Сыне во Отце и Духе происходит совершение жизни в крещении; так же ни в Отце только и Сыне с опущением Духа достигается благодать воскресения), то поэтому всю надежду и уверенность в спасении душ наших мы имеем в трех Ипостасях, означаемых этими именами, и веруем в Отца Господа нашего Иисуса Христа, Который есть источник жизни, и во Единородного Сына Отчего, Который есть *Начальник жизни*, как говорит апостол (Деян. 3, 15), и в Святого Духа Божия, о Котором сказал Господь, что *Дух есть, Иже оживляет* (Ин. 6, 63). И поскольку для нас, искупленных от смерти, благодать нетления, как мы сказали, совершается в спасительном крещении чрез веру в Отца, Сына и Святого Духа, то руководимые этим мы веруем, что к Святой Троице не сопричисляется ничего служебного, ничего тварного, ничего недостойного величия Отца; поскольку едина есть жизнь наша, которой достигаем чрез веру в Святую Троицу, истекающая из Отца всех, происходящая

через Сына и совершаемая во Святом Духе. Имея таковое убеждение, крещаемся, как поведено, веруем же, как крещаемся, а славословим, как веруем, так что и крещение, и вера, и славословие единогласно бывает во (имя) Отца, Сына и Святого Духа. Если же кто говорит, что два или три Бога или три Божества, да будет анафема. И кто, согласно с развращенным учением Ария, говорит, что Сын или Дух Святой произошли из несущего, да будет анафема. Те же, которые согласуются с правилом истины и исповедают три Ипостаси, познаваемые благочестиво в их собственных свойствах; и веруют, что едино есть Божество, единая благодать, единое начало, и власть, и сила, те которые не отвергают державы единогоначалия и не впадают в многобожие, не сливают Ипостасей и не слагают Святой Троицы из инородных и несходных (сущностей), но в простоте принимают догмат веры, вверяя всю надежду спасения своего Отцу, Сыну и Святому Духу, — такие, по нашему суждению, мыслят одинаково с нами; с ними и мы молимся иметь часть в Господе.

Сети соблазнов

Чувства, посредством которых, сообщаясь с внешними предметами, душа по выбору занимается ими, Писание назвало окнами, которые, по слову же Писания, и пролагают путь для входа смерти. Действительно многих смертей входом делается часто глаз, видит он раздраженного, и сам возбуждается к той же страсти: или видит благоденствующего не по достоинству, и воспламеняется завистью; или видит горделивого, и впадает в ненависть; или видит какое-либо доброцветное вещество, красивое расположение лица, и всецело поползается в вожделение нравящегося. И ухо отворяет окна смерти, вместе с тем, что слышит, принимает в душу многие страсти: страх, печаль, раздражение, удовольствие, вожделение, неумеренный смех и тому подобное. А услаждение вкуса, как скажет иной, есть мать всех по порядку зол. Ибо кому не известно, что корнем почти всех погрешностей в жизни служит заботливость о гортани? От нее зависят роскошь, пьянство, чревоугодие, беспорядочное поведение, многоядение, пресыщение, разгульная жизнь, скотское и неразумное падение в страсти бесчестия. Подобным образом чувство осязания составляет крайний предел всех согрешений; все, что ни делается для тела сластолюбцами, принадлежит к числу недугов осязательного ощущения, подробное описание которых было бы продолжительно, да и непри-

лично к предметам важным примешивать все то, что служит в укоризну осязанию.

Сила небесной красоты

Вот путь, ведущий нас к обретению истинно прекрасного: все прочее, что влечет к себе расположение людей, что считается прекрасным, а потому удостоивается заботы и внимания, презирать, как низкое и кратковременное, и ни на что такое не тратить своей желательной силы; но и не оставлять ее в праздности и неподвижности, заключив в самих себе, но, очистив ее от пристрастия к предметам низким, возводить туда, куда не достигает чувство; так чтобы ни красота неба, ни сияние светил, ни что-либо иное из видимых красот не приводило нас в восхищение, но чтобы созерцаемая во всех этих предметах красота направляла нас в стремлении к той красоте, которой *небеса поведают славу, а твердь и все творение возвещают разум* (Пс. 18, 2). Когда душа возвысится настолько и все воспринимаемое оставит позади себя как уступающее искомому предмету, тогда она достигнет постижения того великолепия, которое *взятся превыше небес* (Пс. 8, 2).

Скорбящим об умерших

Что печального в обстоятельстве преставления близких нам, которое возбуждает нашу скорбь? То разве кто-нибудь почитает прискорбным, что они преходят к жизни чуждой страданий и забот, которой недоступна боль от ударов, где не страшны ни опасность от огня, ни раны от железа, ни несчастья от землетрясений, кораблекрушений, плена, ни нападения плотоядных зверей, ни жала и угрызения змей и ядовитых животных? В той жизни никто ни гордостью не надмевается, ни уничижением не попирается, ни дерзостью не свирепствует, ни от боязни не приходит в ужас, ни гневом не пышет, пылая яростью и беснуясь, ни дрожит от страха, когда не в силах выдержать (гневные) порывы начальника. В той жизни нет заботы о том, каковы нравы царей, каковы законоположения, каков образ мыслей тех, коим поручено начальство, какие предписания, как велика ежегодная подать; много ли было дождя, не затопил ли он своим излишеством посевы, не уничтожил ли град надежды земледельцев, не иссушила ли усилившаяся засуха всю растительность. И прочие бедствия жизни там также не страшны: скорбь сиротства не печалит оной жизни; бедам вдовства там нет места; не существуют там и многообразные болезни тела, и зависть к благоденствующим, и высокомерие перед бедствующими; все подобное, свойственное здешней жизни, изгнано. Равно-

правность и равенство законов, посредством совершенной мирной свободы.

Сладость пребывания с Богом

Душа, вступившая в единение с Богом, не имеет сытости в наслаждении. Чем обильнее наполняется улаждающим, тем сильнее действуют в ней пожелания. Поскольку слова Жениха *дух и живот суть* (Ин. 6, 63); а всякий, прилепляющийся к духу, делается духом, и вступающий в единение с жизнью, по Господнему слову, переходит от смерти в жизнь (см. Ин. 5, 24), то по этому самому к источнику духовной жизни приблизить себя желает дева-душа. А источник этот – Жениховы уста, из которых источающиеся глаголы жизни вечной наполняют привлекающие их уста, как было с пророком, устами привлекающим дух (см. Пс. 118, 131). Поэтому, т. к. уста, привлекающие питье из источника, надлежит приложить к воде, а источник есть Господь, изрекший: *аще кто жаждет, да придет ко Мне и пьет* (Ин. 7, 37); то поэтому душе жаждущей желательно уста свои приблизить к устам, источающим жизнь, и невеста говорит: *да лобжет мя от лобзаний уст Своих* (Песн. 1, 1). И Тому, Кто всем источает жизнь, и всем хочет спастись, неугодно кого-либо из спасаемых лишить этого лобзания, потому что лобзание это есть очистительное средство от всякой скверны.

Соработничество Богу

Благодать Духа дает вечную жизнь и неизреченную радость на небесах; а любовь по вере трудами удостоивает принять дар и вкусить благодать. Сойдясь вместе, труд праведности и благодать Духа совместно исполняют блаженной жизни душу, в которой сошлись. Находясь же в разъединении друг с другом, они не доставляют душе никакой пользы. Ибо как благодать Божия по природе [своей] не может посещать души, бегущие спасения, так и сила человеческой добродетели сама по себе недостаточна, чтобы души, непричастные благодати, возвести к совершенному виду жизни.

Сродность Христа и христиан

Христос, «Отец будущего века», на Нем домостроительствуется жизнь нескончаемых веков. Поскольку же совершается это, чтобы в каждом из уверовавших пришли в исполнение божественные изволения евангельского закона и воздействовали многоразличные дарования Святого Духа (все же это божественное Писание в сродном некоем значении иносказательно именуется горами и холмами, горами Божиими именуя правду, безднами же называя суды, а землей – землю, засеваемую Словом и приносящую обильный плод, или, как в другом месте у Давида, под именем гор узнаем мир, а под именем холмов правду (см. Пс. 71, 3)), то в верных необходимо рождается премудрость и истинное слово. Ибо Сущий в принявших Его не родился еще в неверных. Поэтому, чтобы произошло это и в нас, необходимо в нас родиться Живителю этого. Так и следующее за этим будем разумеать по связи с этим. Ибо если рождена в нас премудрость, то в каждом уготовляется тогда Богом «страна» и страна «ненаселенная, страна» – сердце, приемлющее всеяние и возделание слова, страна «ненаселенная» – сердце, лишаемое лукавых обитателей. И, таким образом, вселение наше будет на концах земли. Поскольку на земле иное есть глубина, а иное – поверхность, то, когда кто не делается ни подземным, ни пещерным по мудрованию о дольном (какова жизнь живу-

щих в грехе, погрязших в зыбкой тине глубины, для которых жизнь настоящая действительно есть кладезь, по слову псалмопения, которое говорит: *ниже сведет о мне ровенник уст своих* (Пс. 68, 16)), поэтому, если кто после рожденной к нему премудрости начинает держаться горнего образа мыслей, столько касаясь земли, сколько это необходимо, тогда он вселяется на концах поднебесной, не углубляясь в земное мудрование.

Стремление к лучшему

Душа не иначе может соединиться с нетленным Богом, как сделавшись и сама, насколько возможно, чистой чрез целомудрие, чтобы подобным воспринять подобное, став как бы зеркалом для чистоты Божией, так, чтобы через участие в первообразной красоте и через отражение ее и самой получить ее вид. Если же кто и достиг того, что сумел оставить все человеческое: тела ли, деньги ли, занятия ли науками и искусствами, и все прочее, что по обычаям и законам считается прекрасным (поскольку заблуждение в понятии о прекрасном бывает относительно тех предметов, в основу суждения о которых полагается чувство), тот будет с любовью и вожделением стремиться к тому лишь одному, что не заимствует своей красоты откуда-то извне, что не временно и не относительно, но прекрасно само по себе и самим собою и имеет само в себе красоту не такую, которая когда-то не была красотой или не будет ею, но всегда себе равную, выше возрастания и умножения, и недоступную никакой превратности и изменению. Итак, кто все свои душевные силы очистил от всякого вида зла (см. 1 Сол. 5, 22), для того, отважусь сказать, становится ясным единое по естеству прекрасное. Ибо как чистый от гноя глаз ясно видит все, что находится на небе, так и душа чрез непорочность получает способность созерцать этот свет: и истинное девство, и стремление

к нетлению ведут к той цели, чтобы при помощи их можно было видеть Бога. Ибо нет такого слепца по уму, который бы сам собой не понимал, что главная, первая и единственная красота, и благо, и чистота есть Бог всего, и никто не слеп разумом настолько, чтобы не понять этого самому.

Сын Божий – истинный Бог

Какое знание больше того, как верить, что истинный Сын Божий есть истинный Бог? С исповеданием Его истинным Богом соединяются все благочестивые и спасающие нас понятия: что Он есть благ, праведен, силен, неизменяем, не делается иным, всегда тот же, не может измениться ни к худшему, ни к лучшему, потому что первое противно Его природе, а второе невозможно; ибо что может быть выше высочайшего, что совершеннее всего временного? Так что, созерцаемый во всем совершенстве блага, Он в отношении ко всякому виду изменения имеет свойство неизменности и не в одно какое-либо время проявил ее в Себе, но всегда был таковым же: и до времени домостроительства (спасения), и при самом домостроительстве, и после того; ничего в Своем неизменном и неприменяемом естестве Он не изменил в несоответствующий сему естеству вид в действиях по отношению к нам. Ибо нетленность и неизменяемость по естеству всегда остается тою же и не изменяется вместе с природою низшею, когда соединяется с ней по домостроительству, подобно солнцу, которое, бросая луч во мрак, не омрачает свет луча, но превращает посредством луча мрак в свет. Так и свет истинный, воссиявший во тьме нашей, не помрачался сам темнотою, но осветил собой мрак. Поскольку же род человеческий был во тьме, как написано: *не позна-*

ша, ниже уразумеиша, во тьме ходят (Пс. 81, 5); то осветивший омраченную природу, проведя луч Божества в весь состав наш, – разумею душу и тело, сделал человечество причастником в собственном свете, чрез тесное единение с собою сделав его тем, что и Сам. И как Божество не подверглось тлению, будучи в тленном теле, так и не сделалось иным и не изменилось, врачуя изменяемость души нашей.

Сын Божий единосущен Богу Отцу

Мы, руководимые Священным Писанием, говорим, что Христос есть всегда и умопредставляется совечным Отцу. Ибо как Единородный Бог есть всегда Бог, а не становится таким через причастие (Божеству) или через какое-либо восхождение из низшего состояния до божественности, так и сила, и мудрость, и всякое боголепно именуемое совершенство совечно Его Божеству, так что не прибавилось к славе Его естества ничего, чего бы не было в Нем от начала. Имя же Христос мы особенно почитаем приличным прилагать Единородному от вечности, будучи приводимы к такому мнению самым значением сего имени; ибо исповедание сего имени включает учение о Святой Троице, потому что в этом наименовании богоприлично обозначается каждое из исповедуемых нами Лиц. А чтобы не показалось, что мы говорим что-нибудь от себя, присовокупим пророческие слова: *Престол Твой, Боже, в век века: жезл правости, жезл Царствия Твоего. Возлюбил еси правду и возненавидел еси беззаконие: сего ради помаза Тя, Боже, Бог Твой елеем радости паче причастник Твоих* (Пс. 44, 7–8). В этих словах Писания престол указывает власть Его над всем, жезл правости означает нелицеприятие Его суда, елей же радости изображает силу Святого Духа, Которым помазывается Бог от Бога, то есть Единородный от Отца, поскольку возлюбил правду

и возненавидел беззаконие. Итак, если бы было время, когда Он не любил правды и не имел вражды к беззаконию, то следовало бы сказать, что не был некогда и помазан Тот, Который назван помазанным за то, что возлюбил правду и возненавидел беззаконие. Если же Он всегда любил правду (потому что не мог иметь когда-нибудь ненависти к Себе, будучи Сам правдой), то понятно, что Он всегда должен быть признаваем и помазанником. Итак, как праведный никогда не был неправедным, так и помазанный никогда не мог быть без помазания, а никогда не пребывающий непомазанным, конечно, есть всегда помазанный. А что помазующий есть Отец, помазание же Дух Святой, с этим согласится всякий, у кого сердце не закрыто покровом иудейским.

Торжество добра

Так как порок не простирается в беспредельность, но ограничен необходимыми пределами, то по этому самому за пределом зла следует преемство добра; а таким образом, по сказанному, всегдашняя подвижность нашей природы опять наконец возвращается на добрый путь, памятью прежних несчастий уцеломудриваемая не отдаваться снова в плен подобным бедствиям. Поэтому нам снова будет возможно течение на поприще добра, потому что порок по природе своей ограничен необходимыми пределами. Сведущие в небесных явлениях говорят, что весь мир исполнен светом, а тьма бывает в месте, отененном преградой земного тела, да и место это, по шаровидности земного тела, ограничивается конической поверхностью, какую описывает солнечный луч; солнце же, во много крат превосходящее величиной землю, отовсюду кругом объемля ее лучами, при вершине конуса сопрягает сходящиеся лучи света; и потому, если предположим, что будет кто-либо в силах перейти расстояние, на которое простирается тень, то непременно окажется он во свете, не пресекаемом тьмой. Так, думаю, подобает разуместь и о нас, что, дойдя до предела порока, когда будем на краю греховой тьмы, снова начнем жить во свете, потому что Естество доброты до неисчетности во много крат преизбыточествует перед мерой порока. Поэтому снова рай, снова это древо, ко-

торое есть древо жизни; снова дар образа и достоинство начальства, впрочем, не над тем, кажется мне, что людям ныне по житейской потребности подчинено Богом; но предстоит нам упование иного некоего царства, о котором слово остается для нас несказанным.

Трудиться на земле для неба

Поскольку в небесных сокровищницах, как говорит Господь, нет ни моли, ни тли, ни хищнической злобы, научающей тому, о чем мы упомянули, то туда должно переносить наше делание, где собранные сокровища, недоступные хищению и умалению, не только навсегда остаются, но и наподобие семян производят многообразное приращение. Необходимо, чтобы воздаяние было велико, соответственно естеству принявшего сокровище на хранение. Действуя сообразно своему естеству, мы приносим мало, – такова уж наша природа, – поэтому прилично, чтобы Тот, Кто во всем богат, за вверенное Ему малое воздал тем, что имеет по естеству. Итак, никто да не унывает, внося в божественные сокровищницы по силам своим, но пусть пребывает в надежде исполнения обещания Сказавшего, что малое Он заменит великим, воздав небесным за земное, вечным за временное; эти же блага такого рода, что их ни мыслью нельзя постичь, ни словом изъяснить; о них учит богодухновенное Священное Писание: *ниже око виде, ниже ухо слыша, ниже на сердце человеку взыдоша, яже уготова Бог любящим Его* (1 Кор. 2, 9).

Труды ради вечности

Авраам и другие патриархи имели желание видеть блага и не переставали искать Небесного Отечества, как говорит апостол (см. Евр. 11, 16), однако, пребывают еще только в надежде благодати, по слову Павлову: *Богу лучшее что о нас предзревишу, да не без нас*, как говорит Павел, *совершенство приимут*. Поэтому если иные терпят это замедление издали — только верую и надеждою, как свидетельствует апостол, видевшие и целовавшие блага, несомненность наслаждения уповаемым поставляя в том, чтобы обетованное признавать верным, что надлежит делать многим из нас, у которых, судя по жизни, нет, может быть, и надежды на лучшее? Изнемогла от вожделения душа у пророка, и в песнопении исповедует он эту до страсти пламенеющую любовь, говоря, что желает и скончается душа его пребывать во дворах Господних (см. Пс. 83, 3), хотя бы должно было приметаться там в числе последних, потому что выше и предпочтительнее быть там последним, нежели первенствовать в селениях грешных этой жизни. Однако, переносил он замедление и, ублажая пребывание там, кратковременное участие в тех благах предпочитая тысячам лет, лучше, говорит, день един во дворах Твоих паче тысяч, не огорчался необходимым смотрением о существующем и признавал достаточным для ублажения иметь людям блага в уповании. Почему в конце псалма говорит:

Господи Боже сил! Блажен человек, уповаый на Тя. Поэтому надлежит и нам не скорбеть о кратковременном замедлении уповаемого, но прилагать старание о том, чтобы не сделаться недостойными уповаемых благ. Если кто предскажет какому-либо опытному человеку, что во время лета будет собрание плодов, наполнятся хранилища и трапеза будет полна снедей во время этого обилия, то суетен он будет, если поспешит желать наступления этого времени, когда подобает еще сеять и попечительностью заготавливать себе плоды. Время, хочет ли, не хочет ли кто, непременно наступит в определенный срок, но неодинаково увидят его, кто заготовил себе изобилие плодов и кто остался на этот час с пустыми руками и без всякого запаса. Так, думаю, поскольку из божественной проповеди для всякого явно, что настанет время изменения, то подобает не о времени любопытствовать (*ибо несть ваше*, сказал Христос, *разумети времена и лета* (см. Деян. 1, 7)) и не изыскивать каких-либо умозаключений, которыми иной ослабит в душе надежду воскресения, но, подкрепившись верой в ожидаемое, добрым житием закупать будущую благодать.

Труды восхождения к Богу

Поскольку сокровище велико, то велики должны быть и труды для приобретения его, предпринимаемые не напоказ людям, но для угождения Господу, ведающему тайное. На Него всегда должно взирать, а тайники души – испытывать и укреплять благочестивыми помыслами, чтобы противник не нашел ни лазейки, ни простора для кознодейства, [а также и] ослабевшие сочленения души [надо] упражнять и вводить в «познание добра и зла» (см. Быт. 2, 9).

Труды для прославления с Богом

Следует в течение всей жизни нашей стараться отвергать всякое терноподобное дело, слово и мысль, чтобы, по чистоте и бесстрастности жизни став «честью и славой» (см. Евр. 2, 7), увенчать собой Главу всего, будучи для Владыки как бы некой драгоценностью и сокровищем. Ибо Господь славы (см. 1 Кор. 2, 8) не может быть и именоваться Господом чего-либо бесславного. Стало быть, [только] тот, кто чужд всякого уродства и скверны, как по сокровенному, так и по внешнему человеку, сделает своим Владыкой Того, Кто есть и называется «Господом славы», а не беславия.

Удаление от зла

Одну вражду узаконил нам Законоположник нашей жизни, – разумею вражду к змию, и ни в чем другом не повелел нам проявлять силу ненависти, как только в отвращении от зла. *Вражду положу*, – говорит Он, – *между тобою и между ним* (Быт. 3, 15). Так как зло различно и многовидно, то слово Божие дает разуместь его под образом змия, густым наложением чешуи его означая многообразие зла.

Умеренность

Для поддержания своего здоровья мы должны сохранять такое состояние тела, чтобы никакой части из тех, из которых мы составлены, не придавать неправильным употреблением пищи и питья ни излишнего увеличения, ни уменьшения, но подражать, сколь возможно, правящему колесницей. Ибо тот, если правит несогласными между собой (молодыми) конями, то ни резвого не побуждает ударами, ни ленивого не сдерживает вожжами, ни, в свою очередь, своевольному или необузданному и рьяному не позволяет мчаться во весь опор, но одного направляет, другого сдерживает, а третьего побуждает бичом, пока не произведет между всеми стройного согласия в беге. Таким же образом и ум наш, правящий браздами тела, не вздумает ни прибавлять огня к жару, пылающему в лета юности, а охладевшего от страданий или времени не будет еще более охлаждать и иссушать и относительно прочих свойств также будет следовать словам Писания: *многого не приумножай и малого не умаляй* (2 Кор. 8, 15; Исх. 16, 18); но отсекая в том и другом случае неумеренность, он будет заботиться о приращении того, чего недостает, и в обоих случаях равно остерегаться вредного телу, чтобы ни излишним угождением плоти не сделать ее непокорной и необузданной, ни чрезмерным изнурением – болезненной, расстроенной и не имеющей сил для необхо-

димой работы. Совершеннейшая цель воздержания имеет в виду не изнурение тела, но легкое его служение душевным потребностям.

Уподобление Богу есть блаженство

Если кого спросят, что такое блаженство, то не погрешит, в ответе благочестивом последовав слову Павлову и сказав: блаженно, что в собственном смысле и первоначально так называется, или превысшее всего естество; а в людях некоторым образом делается и именуется блаженным, что таково по причастию истинно Сущего и принадлежит в них естеству того, чего они причастны. Поэтому вот определение человеческого блаженства: оно есть уподобление Божеству. И как, что истинно благо или превыше блага, то одно и блаженно и вожаделенно для естества, и причастием этого все делается блаженным, то божественное псаломское Писание в некоей благоискусной и естественной последовательности прекрасно указывает путь к этому единому, в простом, по-видимому, и бесхитростном учении разнообразно и многообразно излагая способы к приобретению блаженства.

Христиане – новая тварь

«Новая тварь» есть апостольское правило. А в чем оно состоит, он сам ясно показал в другом месте, сказав: *да представлю сам себе Церковь славну, не имущу скверны, или порока, или нечто от таковых, но да будет свята и непорочна* (Еф. 5, 27). «Новою тварью» он назвал вселение Святого Духа в душу чистой и непорочной, свободной от всякого зла, лукавства и всего постыдного. Ибо когда душа возненавидит грех, станет близка Богу по силе, ведя себя добродетельно, и примет в себя благодать Духа, претворив ее в жизнь, тогда она станет всецело новой и воссозданной. И [слова апостола]: *Очистите... ветхий квас, да будете ново смешение; и: да празднуем не в квасе ветсе... но в безквасиих чистоты и истины* (1 Кор. 5, 7–8) показывают это.

Христос – драгоценное сокровище

Писание говорит: душа, будь внимательна к себе. Ибо это надежное хранилище благ. Знай, сколько перед прочей тварью почтена ты Сотворшим; не небо сделано образом Божиим, а также не луна, не солнце, не красота звезд, ни иное что видимое в твари: ты одна стала отображением естества, всякий ум превышающего подобием нетленной красоты, отпечатком истинного Божества, вместилищем блаженной жизни, отражением истинного света, на который взирая, сама будешь тем же, что и Он, уподобляясь Сияющему в тебе лучом, отражающимся от твоей чистоты. Нет существа так великого, чтобы могло с тобой помериться величиной; целое небо объемлется Божией дланью, а земля и море заключаются в горсти руки Божией. Однако Тот, Кто столько всесилен и всеобъемлющ, Кто всю тварь сжимает в длани, Сам делается всецело вмещаемым в тебе: и обитает в тебе, и не утесняется, ходя в твоём естестве, Сказавший: *вселюся в них, и похожду* (2 Кор. 6, 12. 16). Если на это обратишь внимание, то ни на чем земном не остановишь ока. Что об этом говорить? Даже и небо, по мнению твоему, не будет для тебя чудно. Ибо как тебе, человек, дивиться небесам, когда видишь, что сам ты долговечнее небес? И небеса преходят, а ты во веки пребываешь с Присносущим. Не удивишься широте земли и в беспредельность простирающемуся морю, будучи, подоб-

но вознице, правящему парой коней поставлен начальствовать над этими стихиями, имея их благопокорными и подвластными своему изволению, потому что земля прислуживает тебе жизненными потребностями, и море, как взнузданный какой конь, подставляет тебе хребет и человека охотно приемлет на себя всадником. Поэтому, если сама себя познаешь ты, добрая в женах, то презришь весь мир и, всегда имея пред очами невещественное благо, не обратишь внимания на блуждающие по этой жизни следы. Итак, будь всегда внимательна к себе самой и не станешь блуждать около стада козлов, во время Суда вместо овцы не окажешься козлом, не будешь отлучена от стояния одесную, но услышишь сладостный глас, который руноносным и кротким овцам изречет: *приидите благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира* (Мф. 25, 34).

Христос – победитель смерти

Поелику Пастырю доброму надлежало положить душу Свою за овец, чтобы разрушить смерть собственной смертью, то Началовождь нашего спасения становится и тем, и другим – и священником, и агнцем в том, что способно приобщиться страданию, совершив смерть. Ибо как смерть есть не что иное, как разрешение души и тела, то соединивший в себе то и другое, то есть душу и тело, не отделяется ни от той, ни от другого. *Нераскаянна бо дарования* Божии (Рим. 11, 29), как говорит апостол. Но уделив Себя и телу, и душе, посредством души отверзает разбойнику рай, а посредством тела прекращает действие нетления; в том и состоит разрушение смерти, чтобы сделать бездейственным нетление, уничтожив оное в животворящем естестве. Ибо совершаемое через тело и душу делается благодеянием и даром для нашего естества всего вообще; и таким образом посредством воскресения соединяет все разъединенное Тот, Кто есть едино с обоими, Кто, как написано, собственной властью предал тело сердцу земли (Мф. 12, 40), душу же положил «о Себе» (Ин. 10, 18). Когда Он говорит Отцу: *в руке Твои предаю дух Мой* (Лк. 23, 46), а разбойнику: в рай (см. Лк. 23, 43), то утверждает истину тем и другим; ибо это божественное пребывание, иначе раем называемое, надобно верить, находится не в другом каком месте, как в много-

объемлющей длани Отца, как говорит и пророк, вещающий к горнему Иерусалиму слово от лица Господа: *на руках Моих написах стены твоя, и предо Мною еси присно* (Ис. 49, 16). Таким-то образом Господь и смерти подвергается, и смерть не владычествует над Ним. Ибо сложное делится, а несложное не допускает разрушения, но при разделении сложного несложное естество пребывает и по отделении души от тела не отделяется ни от той, ни от другого.

Христос – сила и премудрость

Смысл имени «Христос» делится на два различных значения: премудрости и силы, – дабы мы, обратив взор на величие устройства всего сущего, уразумели, при помощи созерцаемого нами, неизреченную Его силу, а размыслив о том, что в бытие явилось [нечто], не существовавшее прежде, что многообразное естество существ осуществлено божеским мановением – то поклонились бы непостижимой премудрости помыслившего сие, чьи помышления суть деяния. Отнюдь не праздною и не бесполезною для стяжания нами блага оказывается вера в то, что Христос является Силою и Премудростью. Ибо что молящийся призывает и к чему обращает око души, то и привлекает к себе молитвой. И, таким образом, обращающий взор к силе (а сила есть Христос) *силою утверждается... во внутреннем человеке*, – как говорит апостол (Еф. 3, 16), а призывающий Премудрость (под которой опять-таки разумеется Господь) делается премудрым, как говорит книга Притчей (см. Притч. 2, 3–5). Итак, соименник Христа, Он же есть Сила и Премудрость, должен также быть соименным силе, осилив грех, и являть в самом себе премудрость, избирая лучшее. А через проявление в нас премудрости и силы: первой – в выборе добра, а второй – в усилении, [с которым сохраняется] разумно [избранное], достигается совершенство жизни, из обеих [составляющих]

слагаемое.

Христос и христиане

Христос, даровав нам бессмертие, как некую цену за каждую душу, тем самым всех искупленных Им от смерти через жизнь сделал собственным стяжанием.

Итак, если мы стали рабами Икупившего, то, конечно, обращаем взоры к Господствующему, чтобы нам жить уже не для себя самих, но для стяжавшего нас ценою жизни. Ибо уже не мы себе господа, но Купивший есть Господин Своих стяжаний (см. 1 Кор. 6, 20), мы же Его стяжание. Стало быть, законом для нашей жизни будет воля Господствующего. Ибо, как при владычестве над нами смерти действовал в нашей жизни закон греха, так, когда мы стали стяжанием жизни, необходимо согласоваться с господствующим над нами законом, чтобы, уклонившись от подчинения воле жизни, через грех снова добровольно не перейти нам под власть злого тирана душ наших (я имею в виду смерть).

Цветы и плоды

Цветы жизни нашей суть добродетели, которые ныне цветут, плод же свой приносят во время свое. Поэтому говорит Слово: *зима прейде, дождь отиде, отиде себе: цвети явишася на земли, время обрезания приспе* (Песн. 2, 11–12). Видишь, – говорит, – луг, цветущий добродетелями? Видишь целомудрие – этот белый и благовонный крин? Видишь стыдливость – эту розу? Видишь эту фиалку – Христово благоухание? Почему же не сплетаешь из них венца? Теперь время, в которое собравшему надлежит украситься плетением таковых венцов, время обрезания пришло. Об этом свидетельствует тебе глас горлицы, т. е. глас вопиющего в пустыни (см. Мк. 1, 3); ибо горлица эта Иоанн, этот предтеча светлой весны, указующий людям прекрасные цветы добродетели и предлагающий их намеревающимся стать собирателями цветов; потому что указывал на Цвет от корня Иесеева, на Агнца Божия, взявшего грех мира, и внушал покаяние в худых делах и добродетельное житие.

Ибо продолжает Слово: глас горлицы слышен в земле нашей (см. Песн. 2, 12), землей, может быть, именуется осуждаемых за порочную жизнь, какими Евангелие представляет мытарей и блудниц. Ими услышано было Иоанново слово, когда прочие не принимали проповеди. А сказанное о смокве, что изнесла цвет свой (см. Песн. 2, 13), будем разумеать

так: смоква от действия на нее теплоты весьма сильно втягивает в себя влагу из глубины, и как скоро в сердцевине ее скопится много сырости при переваривании соков, происходящем в растении, естество по необходимости извергает из ветвей, что в соках было негодного и землистого; и делает это многократно, чтобы подлинный и питательный плод дать от себя в надлежащее время чистым от неполезнаго качества. Это же вместо сладкого и совершенного плода, в виде плода также производимое смоквой, называется цветом, который хотя и сам может со временем стать снедным для желающих, однако же – не плод, а служит только предначатием плода. Поэтому, кто увидит это, тот, конечно, собирает уже почти плоды; потому что цвет, о котором сказано, что изнесла его смоковница, служит знаком годных в снедь смокв.

Целомудрие

Мы должны заботиться о водворении во всем согласия, которое обычно возникает в душах наших от истинного целомудрия. Если же нужно приискать самое совершенное определение целомудрия, то, быть может, в точном смысле целомудрием следует назвать благоустроенный порядок всех душевных движений, соединенный с мудростью и благоразумием. При таком устроении души не будет нужды в каком-либо (особом) труде или прилежании для достижения высочайших и небесных благ; при нем душа с совершенной легкостью достигнет того, что без него кажется неудободостижимым. Самым убыванием противоположного (ее намерениям) она естественно достигает искомого блага: ибо кто не во тьме, тот по определению пребывает во свете; и кто не умер, тот жив. Следовательно, *иже не прият всуе душу свою* (Пс. 23, 4), тот непременно будет на пути истины, потому что предусмотрительность и благоразумие в рассуждении того, чтобы не совратиться с истинного пути, служат вернейшим руководством на прямом пути. Как слуги, освободившиеся от рабства, когда, перестав служить господам, делаются сами себе господами, обращают все внимание на самих себя, так, я думаю, и душа, освободившись от служения телу, обращается к познанию свойственной и естественной ей деятельности.

Цель жизни – пребывание с Господом

Началом высокого жизненного столпостроения бывает вера в Него; на ней полагаем начала жизни нашей как некое основание и, ежедневно упражняясь в добре, вменяем себе в закон чистые мысли и действия. Таким образом, глава всего делается и нашей главой, соединяющей в себе благообразно и в чистоте возведенные две стены нашей жизни, телесную и духовную, составляя из них как бы угол. Если же в какой-либо части здания окажется недостаток: если, например, с чистотой души благообразие видимых дел не будет сочетаться или за видимым душевная добродетель не будет являться, то такой главой нецелостной жизни Христос быть не может. Он становится главой только той постройки, у которой две стены [образуют] угол, ибо невозможно быть углу без соединения двух стен. Ведь тогда лишь наше здание украсится красотой углового свода, когда наша раздвоенная жизнь, с обеих сторон выравниваясь по жизненному отвесу при помощи вервий добродетелей, будет стройно воздвигаться по прямой линии, правильно и неуклонно, не имея в себе ничего косого или искривленного.

Человек – виновник несчастий

В этом живом существе – человеке – страстность и поврежденность (существует) не от природы и не соединена с ним первоначально. Ведь невозможно было бы сказать о нем, что он создан по образу Божию, если бы отображенная красота была противоположна красоте первообразной. Но страсть привзошла в него уже после сотворения и вошла таким образом: он был образом и подобием, как сказано, Силы, царствующей над всем сущим, а потому и в своей свободной воле имел подобие со (свободно) Властвующим над всем, не подчиняясь никакой внешней необходимости, но сам по своему собственному усмотрению действуя, как кажется ему лучше и произвольно избирая, что ему угодно. И то несчастье, которое терпит теперь человечество, навлек он на себя сам по своей воле, поддавшись обману, сам стал изобретателем этого зла (см. Рим. 1, 28), а не у Бога обрел его: ибо *Бог смерти не сотвори* (Прем. 1, 13), но некоторым образом творцом и создателем зла сделался сам человек.

Молитвы святителю Григорию Нисскому

Тропарь, глас 4:

Бóже отѣцъ нашихъ, творѣй при́сно с нами по Твое́й крѣпости, не отста́ви ми́лость Твою́ от насъ, но моли́твами ихъ въ ми́ре упра́ви живо́тъ нашъ.

Кондак, глас 1:

Окомъ ду́шевнымъ бо́дрствуя, святи́телю, бодръ па́стырь яви́лся еси́ ми́ру, и жезло́мъ му́дрости твоея́, и те́плымъ предста́тельствомъ твои́мъ вся отгна́л еси́ злосла́вныя, ꙗ́ко во́лки, невре́дно соблю́дъ ста́до, Григо́рие всему́дре.

Молитва

О пречестна́я и свяще́нная главо́ и благода́ти Свята́го Ду́ха испо́лненная, Спа́сово со Отце́мъ обита́лище, вели́кий архиере́е, те́плый нашъ засту́пниче, святи́телю Григо́рие, предстоя́ у престо́ла всехъ Царя́ и наслажда́ясь све́та единосу́щныя Трои́цы и херувимски со Ангелы возглаша́я песнь трисвяту́ю, вели́кое же и неизсле́дованное дерзнове́ние имѣя́ ко всеми́лостивому Влады́це, моли́ спасти́ся па́стыви Христо́вы лю́демъ, благостоя́ние святы́хъ церкве́й утверди́: архиере́и благоле́пиемъ святи́тельства украси́, мона́шествующыя к

пóдвигом дóбраго течénия укрéпи, цáрствующий град и вся
гáды и страны дóбре сохрани́, и вéру святу́ю непорóчну со-
блюсти́ умоли́, мир весь предстáтельством твоим умири́, от
гáда и пáгубы избáви ны, и от нападénия иноплемénных со-
храни́, стáрыя утéши, юныя настáви, безúмныя умудри́, вдо-
ви́цы помилуй, сироты заступи́, млáдэнцы возрасти́, плéн-
ных возврати́, немощствúющия и молящияся тебé от всех
напáстей и бед ходáтайством твоим свободи́: моли́ о нас Все-
щéдраго и Человеколюбíваго Христá Бóга нáшего, да и в
день стрáшнаго пришéствия Егó от шу́ияго стоя́ния избáвит
нас, и рáдости святы́х причáстники сотвори́т со всéми свя-
ты́ми во вéки веко́в. Ами́нь.

Использованная литература

Творения святого Григория Нисского. М.: тип. В. Готье, 1861–1871. Т. 1–8.